

Заражение

Автор:

[Сергей Тармашев](#)

Заражение

Сергей Тармашев

Ареал #1

27 марта 1991 г. неизвестное космическое тело, двигающееся с немыслимой скоростью, разрушилось при входе в атмосферу Земли. Его обломки, рухнувшие в глухой тайге Коми АССР, породили колоссальный выброс энергии по всей площади падения метеоритного потока. Меньше чем за минуту зона поражения расширилась во все стороны более чем на километр, непрерывно увеличиваясь с постоянной скоростью на один метр в сутки.

Здесь добывают уникальную нефть типа «Икс», во много раз превосходящую все известные человечеству виды топлива, и находят артефакты, попирающие законы физики. Здесь флора и фауна мутируют в самые причудливые и смертоносные формы, агрессивные ко всему живому. Здесь хаотично появляются и исчезают аномалии, попадание в которые грозит смертью. Здесь нелегко уцелеть даже самым тренированным и умелым. И именно сюда, в Отряд Специальных Операций РАО «Ареал», попадает бывший боец отряда «Альфа» капитан Иван Березов...

Сергей Тармашев

Ареал. Заражение

* * *

Первоначально я не планировал делать серию «Ареал», так как тематика всевозможных смертельных, чернобыльских и прочих аномальных зон, как говорится, «не моя». Однако множество читателей присылали и продолжают присылать письма с просьбой «написать что-нибудь в серию „Сталкер“». Поначалу я отнекивался от подобных предложений, но когда суммарное количество посланий, объединённых общей мыслью «Даёшь „Сталкер!“», превысило отметку в три с половиной тысячи, я понял, что игнорировать столь настойчивую просьбу читателей нельзя. Так как мир «Сталкера» и без меня неплохо себя чувствует и уверенно развивается, я посчитал более интересным не присоединяться к уже существующей серии, но создать свою вариацию на популярную тему. За основу своего нового мира я взял гениальное творение бессмертных Стругацких «Пикник на обочине», являющееся родоначальником самой идеи аномальных зон и исследующих их сталкеров. Надеюсь, что мой «Ареал» не разочарует поклонников жанра, но окончательные выводы сделает конечно же читатель.

Сергей Тармашев

– Да. И всё было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

– А разве мы не знаем? – удивился Нунан.

– Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который якобы всё понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные... Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

– Да, это про нас... – горестно согласился Нунан.

– К сожалению... ещё одно определение, очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.

Нунан сморщился и замотал головой.

– Нет, – сказал он. – Это не про нас. Ну а как насчёт того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

– Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, массовый человек, с лёгкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о Боге, например, даёт ни с чем не сравнимую возможность абсолютно всё понять, абсолютно ничего не узнавая. Дайте человеку крайне упрощённую систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощённой модели. Такой подход не требует никаких знаний...

– Погодите, – сказал Нунан... – Не отвлекайтесь. Давайте всё-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

– Представления не имею, – сказал Валентин, веселясь. – Всё, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно...

– Вот тебе и на, – сказал Нунан. – А я-то думал, что у вас всё уже разложено по полочкам...

– Разложить по полочкам и обезьяна может, – заметил Валентин.

Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине»

Пролог

Командный Пункт Системы Предупреждения о Ракетном Нападении, г. Солнечногорск, СССР, 27 марта 1991 года, 4 часа 52 минуты.

Полусонный человек в безукоризненно отутюженном кителе с полковничьими погонами и красной повязкой оперативного дежурного на рукаве устало потёр глаза и, беззвучно кряхтя, поднял своё грузное тело из рабочего кресла. Он слегка потряс головой, отгоняя сонливость, потом, тяжело ступая, вышел из-за стола, заставленного аппаратурой засекреченной связи. Его взгляд скользнул по стеклянным картографическим планшетам и электронным табло, окружающим боевые посты несущих службу операторов СПРН. Затем он мельком прошёлся по дисплеям компьютеров, отображающих в реальном времени данные со спутников, призванных зорко следить за ракетоопасными участками территории вероятного противника. И наконец, остановился на своём отражении в ближайшем карт-планшете, заменявшем собою одну из стен его боевого поста.

Полковник расправил плечи и, насколько смог, втянул объёмистый животик. «Мда, хорош, ничего не скажешь... – Он саркастически ухмыльнулся. – Раздобрел на сидячей работе, даром что нервная. А врачи говорят, на почве постоянного напряжения и частых стрессов организм склонен к сильной потере веса. Видать, мой живот об этом ничего не знает...» Он вспомнил лейтенантскую юность, когда молодой жилистый ракетчик, рослый красавец офицер был способен без усталости сутками гонять личный состав, натаскивая вчерашних призывников на занятиях по развёртыванию в боевое положение зенитных ракетных систем и последующем их свёртывании в походное положение для выхода из района стрельб до ответной атаки вражеской авиации. Да, были времена... Его подразделению тогда принадлежал рекорд скорости по развёртыванию С-200, а ведь эта система в те годы была, ни много ни мало, противоракетным щитом страны. Полковник едва заметно улыбнулся, вспоминая свою первую награду, полученную за это достижение. Командование отметило его личной фотографией у Боевого Знамени части. Генерал собственноручно сделал на ней надпись «Лучшему ракетчику полка». Вроде бы мелочь, всего лишь фото, даже не медаль. Но до сих пор эта награда оставалась для полковника самой дорогой. Всё-таки первая.

Он вспомнил стройную фигуру старшего лейтенанта, замершего у Боевого Красного Знамени, и вновь бросил на своё отражение уккоризненный взгляд.

Надо бы заняться собой. Хотя бы гимнастику по утрам делать, что ли... Полковник едва заметно вздохнул и подошёл к стоящему в углу боевого поста сейфу. Он набрал личный код, открыл дверцу и достал из бронированного хранилища свой рабочий портфель, недра которого скрывали тут же извлечённый на белый свет небольшой термос. Кофе, самый обычный – пайковой, растворимый, сейчас будет как нельзя кстати. Уж больно тяжёлое время суток, самые сонные часы. Полковник наполнил кружку и, несколько вразрез с уставами и инструкциями, так и остался стоять посреди боевого поста оперативного дежурного, обводя взглядом Командный Пункт, не забывая время от времени делать глоток едва тёплого напитка. Операторы, которые тоже поклёвывали носами или растирали руками красные воспалённые глаза, при виде Оперативного немедленно оживились и заёрзали в креслах, ёжась под суровым взглядом начальника, не сулящим им ничего хорошего. Он мысленно улыбнулся. «Так-то вот. Я вас взбодрю получше любого кофе, шалопаи. Спать надо было дома, перед дежурством, а не с девками баловаться. А тут надо службу тащить. И тащить её надо исправно! Нити колоссальной системы сходятся в этом КП. На пультах операторов боевых постов ежесекундно поступают потоки данных с множества мощнейших РЛС, разбросанных по территории СССР, идёт информация со спутников Центра Контроля Космического Пространства, а ведь он неотрывно ведёт почти шесть тысяч различных космических объектов, находящихся на орбите планеты, не говоря уже о том, что орбитальная группировка не сводит глаз с ракетоопасных направлений вероятного противника. От нас зависит безопасность огромной страны!»

Полковник невесело поморщился. Огромная страна всё глубже погружалась в не менее огромный хаос. Советский Союз разваливался на глазах, и он решительно не понимал, что творят эти болваны от политики. Шутка ли сказать, они собираются угробить такую махину! Зачем?! Убить колоссальное государство, громадный слаженный механизм, перед мощью которого дрожит весь Запад, разбить его вдребезги на множество беспомощных кусочков-винтиков, которые мгновенно окажутся лёгкой добычей для проходимцев всех мастей – от распоясавшихся уголовников, освобождённых новомодными амнистиями, до ушлых политиканов, купленных с потрохами заокеанским вероятным противником. И кому это выгодно? Оперативный зло насупился. Как раз тем, чьи территории денно и нощно прощупывают спутники его КП. Ох, не далеки от истины злые шутники, многозначительно вопрошающие в своих анекдотах, мол, а почему это на плечи Генерального родимое пятно в виде Америки? Полковник покачал головой, мысленно обращаясь к герою анекдотов. Что же ты делаешь, крестьянин ты эдакий, мать твою?! Ломать не строить, тут большого ума не

надо...

Он ещё раз окинул грозным взглядом КП и, сжимая в руке опустевшую кружку, направился к термосу. «Ещё немного кофе не помешает. Одна надежда на прошедший всесоюзный референдум, – размышлял он, отвинчивая колбу термоса, – может быть, хоть по его итогам эти идиоты одумаются? Всё-таки подавляющее большинство населения всех республик проголосовало за сохранение СССР. Правда, не во всех союзных республиках референдум провели». Но это и не удивительно, сейчас в стране такой бардак, что порой казалось, что единственное место, где ещё сохранился незыблемый порядок, был его КП. Полковник аккуратно поднёс кружку к горлышку термоса, и коричневая жидкость с запахом кофе начала наполнять кружку.

Резкий вой сирены боевой тревоги распорол тишину так внезапно, что Оперативный дёрнулся от неожиданности, расплёскивая кофе на пол. Термос и чашка полетели куда-то в сторону, и спустя секунду он уже сидел в своем кресле, щёлкая тумблерами микрофонов и кнопками систем мониторинга. Операторы Системы Контроля Космического Пространства наперебой докладывали обстановку, пытаясь скрыть испуг за повышенными интонациями.

– Вижу цель! – звенели динамики. – Цель одиночная! Баллистическая! Идентификации не поддаётся! Приближается с Востока! Идёт курсом на СССР! Дистанция сорок тысяч километров! Скорость...

– Дистанция тридцать девять тысяч километров! – тут же вклинился в разговор другой голос и мгновенно поправился: – Тридцать восемь тысяч километров! Продолжает сокращаться...

– ...ориентировочно тысяча километров в секунду! – Доклады поступали надрывно-торопливыми криками, едва не перебивая друг друга. – Точнее определить не могу...

– ...войдёт в верхние слои атмосферы через тридцать се... тридцать шесть секунд! – Голоса операторов уже срывались на крик.

– ...ожидаемая точка вхождения в тропосферу – над восточными предгорьями Уральского хребта! Координаты...

- ...дистанция до цели тридцать пять тысяч километров! Продолжает сокра...

Надрывный вопль докладчика хлёстко резанул по ушам:

- Расчётная точка контакта - район города Москвы! - Оператор изо всех сил старался скрыть охвативший его страх. - До контакта тридцать три секунды!

Время для Оперативного слилось в единую пулемётную очередь действий. Он отдавал команды и выполнял необходимые действия так быстро, как не работал ещё никогда в жизни. Части ПВО уже подняты по тревоге, прикрывающий Москву полк ждёт указаний, Министерство обороны оповещено, наверняка дежурные генералы сейчас ломают головы над тем, наносить ли ответно-встречный ядерный удар, но вот только по кому? Цель появилась в космосе внезапно, спутники не засекали ни старта, ни выхода ракеты на баллистическую траекторию. Быть может, в эти секунды уже будят Генсека, или как его там теперь, Президента... Только всё это не имеет значения. Полковник был хорошим ракетчиком. И, как любой грамотный профессионал, находящийся сейчас в помещении КП, прекрасно понимал, что произойдёт через тридцать секунд. Цель нанесет удар по Москве со всеми вытекающими отсюда последствиями. И дело не в том, что до удара осталось пол минуты, а время развёртывания зенитных ракетных комплексов С-300 - пять минут. Всегда кто-то есть в боевом положении, плюс эскадрильи ПВО в воздухе, плюс система стационарных ракетных комплексов, рассчитанная на перехват в атмосфере. Мы можем достать вражескую межконтинентальную баллистическую ракету на подлёте, в семидесяти - семидесяти пяти километрах от Москвы. Но ни одна из существующих на сегодняшний день ракет не способна перехватить цель, движущуюся со скоростью тысяча километров в секунду. Максимум тысячу двести - тысячу триста метров в секунду. Но не в тысячу раз больше... Неужели американцы смогли разработать и произвести такой снаряд, умудрившись сохранить всё в строжайшей тайне... Можно, конечно, испытывать призрачную надежду на то, что цель потеряет скорость, войдя в атмосферу, и у нас появится хоть самый малый шанс на перехват, но и так ясно, что она не замедлится в тысячу раз. Удара по Москве не избежать. А это значит... Полковник болезненно передёрнул плечами. Неужели война? Как всё-таки они грамотно рассчитали удар. В столице ночь, люди спят в своих домах, жертвы будут максимальными. И с этой перестройкой никто уже и не ждёт...

- ...дистанция до цели двадцать одна тысяча километров! До контакта двадцать секунд! Курс прежний...

– Товарищ полковник! – Бледный офицер связи протянул ему распечатку: – На связи Центр Управления Полётами. Со станции «МИР» сообщают, что в сторону Москвы движется крупный космический объект! ЦУП не знает, откуда он взялся, появился внезапно у самой планеты! У них паника, они постоянно запрашивают, что им делать...

– Проснулись! – Оперативный выхватил бумагу у него из рук. – Ну, хоть не ядерная война, и на том спасибо! – Он быстро пробежал глазами по строкам и внезапно замер: – Что?! Диаметр десять километров?! – Полковник рванулся к микрофонам: – Данные по размерам цели! Немедленно!

– Не могу определить ввиду высокой скорости цели! – напряжённо выкрикнул один из операторов. – Расчёт станет возможным через...

– Десять секунд до контакта! – Новый доклад заглушил его слова. – Дистанция девять тысяч километров!

– Девять секунд! – начал отсчёт оператор.

– Размеры цели мне, немедленно! – взревел Оперативный, напрямую отдавая команду частям противоракетного прикрытия произвести атаку цели на упреждение.

– Восемь секунд!

– Есть размеры! – выкрикнул один из офицеров. – Почти одиннадцать тысяч метров в поперечнике!

– Шесть секунд!

Оперативный замер в своём кресле. Вот теперь точно конец. Даже если свершится чудо и противоракеты достанут цель, для неё это будет что слону дробина. Десять километров камня врежутся в планету на скорости тысяча метров в секунду. И уже неважно, в какую именно часть страны они ударят, всё равно от неё не останется ничего. Полковник запоздало подумал, что, если бы это была американская баллистическая ракета, он, пожалуй, был бы ей сейчас рад.

- Четыре секунды! – Командный Пункт замер, словно музей восковых фигур, и голос оператора, проводившего обратный отсчёт, стал единственным признаком жизни в заполненном людьми помещении.

- Три секунды!

- Две секунды!

Неожиданно возникла пауза.

- Ничего не... – непроизвольно выдохнул оператор и тут же торопливо доложил:
- Объект вошёл в атмосферу и резко потерял скорость!

- Наблюдаю разделение целей! – тут же последовал доклад с другого поста. – Цель групповая, множественн... Сотни отметок! Быстро снижается!

- Да оно же разваливается в воздухе! – вдруг воскликнул кто-то совсем не по уставу, и замерший КП было тут же взорвался целой бурей докладов.

Когда спустя пять минут стало окончательно ясно, что цель, оказавшаяся неизвестным космическим телом, предположительно полым метеоритом, состоявшим из заледенелых газов, разрушилась, войдя в атмосферу Земли, Оперативный твёрдо решил сделать сегодняшнее число вторым днём рождения для своих детей. Он устало откинулся на спинку кресла и только теперь понял, что взмок так, будто побывал под проливным дождём. Откуда-то издалека пришла мысль, что теперь он точно знает, о чём именно хотят сказать врачи, когда произносят слово «стресс». Полковник запустил руку во внутренний карман кителя, достал упаковку валидола и отправил под язык пару таблеток. Он позволил себе на несколько секунд закрыть глаза, успокаивая бешено колотящееся сердце, так и норовящее выпрыгнуть из груди. «Обошлось», – подумал Оперативный. Конечно, сейчас начнётся целая эпопея с этим метеоритом, разбор полётов и раздача оплеух. Откуда прилетел, почему сразу не заметили, из-за чего потом были не готовы, куда упал, из чего состоял, что после себя оставил, как и благодаря чему произошло столь фантастическое падение скорости, спасшее жизни половине планеты, и черт знает сколько ещё вопросов. После этих разборов запросто можно стать генералом или подполковником. Но сейчас полковника всё это не интересовало. Потом. Всё

потом. А сейчас он выделит себе время на отдых. Немного. Всего лишь Короткие сорок секунд. Совсем чуть-чуть. Это ведь ничто по сравнению с тем, как мучительно долго длятся Бесконечные сорок секунд.

Ухтинский район Коми АССР, 27 марта 1991 года, 5 часов 3 минуты, в десяти километрах к северо-западу от деревни Кедвавом.

– Что такое, Черныш, чем ты так недоволен? – Старик снял с руки толстенную шубную рукавицу на заячьем меху и ласково потрепал загривок поскуливавшего пса. – Не выпался, что ль, старый лежебока?

Чёрная, как антрацит, сибирская лайка, поджав переднюю лапу, жалобно прижалась к человеку и вновь тихонько заскулила. Петрович поправил висящую за спиной древнюю двустволку и, кряхтя, опустился на корточки рядом с собакой.

– Ну, дружище, что с тобой? – Старик заботливо гладил пса по голове, пытаясь успокоить. – С самого утра сам не свой. Капризничаешь, старая псина, прям-таки как я! – Он ласково улыбнулся лайке. – Да и то верно, с кем тебе ещё поворчать-то? Одни мы с тобой, два старика, друг у друга остались...

Пёс, словно понимая человека, коротко лизнул его в щёку. Чернышу стукнуло уже десять лет, и по своим собачьим меркам он почти ровесник Петровича, доживавшего седьмой десяток. С тех пор как три года назад умерла жена, ближе собаки никого не осталось. Дочери давным-давно поразъехались по большим городам и вышли замуж, у них своя жизнь, в которой для старика почти не осталось места. Последний раз он видел их на похоронах, с тех пор лишь по праздникам приходили поздравительные открытки. Внуки заброшенной в глухой тайге на краю света деревенькой не интересовались, вот и выходило по всему, что стареющий Черныш и есть вся его родня. Петрович даже думать не хотел о том, что будет делать, когда верный пёс отдаст богу душу.

– Что, старый хрыч, пойдём дальше? – Старик поднялся на ноги и стряхнул снег с полы тулупа. – Нам ещё топать и топать, покуда все капканы не обойдём. – Он двинулся дальше через ельник, на ходу надевая варежку.

Пёс преданно поглядел на человека, повилял колечком хвоста, но с места так и не сдвинулся.

– Давай, Черныш, ищи белочку! – сказал собаке старик, оглядываясь. – А то лучше горностаю, Семён за него нам с тобой хорошо заплатит. Угля подкупим, дрожжей, сахарку, первача знатного сообразим, поставим Федьке Рыжему литрушку, он нам за это дело дровишек нарубит-натаскает, а то стар я уже колуном-то махать, не держат руки совсем... Пошли, старый, пошли, чего стоишь, аки вкопанный? Нам ещё крюк делать в добрых километрах двадцать, покуда силки проверять будем!

Лайка негромко твякнула, словно соглашаясь с аргументами Петровича, но не ступила и шагу. Наоборот, Черныш потянул носом воздух, словно ожидая чего-то, уселся на снег и вновь тихонько заскулил.

– Да что за напасть такая... – вздохнул старик, возвращаясь к собаке, – али заболел ты у меня, бедолага? Ещё давеча был сам не свой...

Черныш почти всю ночь не спал, беспокойно бродил по дому из угла в угол, часто поскуливая, постоянно подходил к постели Петровича, стаскивал с него одеяло и подолгу лизал старую морщинистую руку. Собачья бессонница быстро передалась человеку, и оба старика остаток ночи не смогли сомкнуть глаз. В конце концов Петрович не выдержал безделья и засобирился в тайгу, обходить силки и капканы, что они с Чернышом выставили третьего дня. Дорога по заснеженной тайге поначалу было успокоила собаку, но едва забрезжил рассвет, как Черныш вновь забеспокоился. И вот теперь пёс вообще не желает двигаться с места. Эка незадача...

– Чернышка, родимый, что с тобой? – Петрович склонился над скулящей собакой. – Почто уселся...

Внезапно пёс поджал хвост, прижал уши к голове и, заскулив ещё сильнее, лёг наземь, вжимаясь в глубокий снег. Старик, пытаясь проследить исполненный страха взгляд собаки, поднял голову и посмотрел в предрассветное небо. В первую секунду старческие глаза не заметили ничего, и Петрович, испустив ещё один тяжёлый вздох, перевёл взгляд на затравленного Черныша. Но уже в следующий миг небо над ними резко просветлело, и старик торопливо вскинул голову.

– Мать честная! – вырвалось у Петровича.

С неба, стремительно приближаясь, спускался огромный огненный шар, оставляя за собой в воздухе недлинный пылающий след. Свет от его пламени осветил окрестности на многие километры вокруг, из-за чего стоящие вокруг ели приняли зловещий бордовый оттенок. Падающий с неба шар спускался в полнейшей тишине, с каждой секундой увеличиваясь в размерах, но старику показалось, что он слышит, как гудит окутывающее его пламя.

– Так вот чего ты так струхнул, Чернышка! – Петрович опустился на снег рядом с собакой и заботливо потрепал вжавшегося в землю пса. – Не робей, дружище, это ж запчасти от ракеты сыплются, не иначе опять в Плесецке чего-то запускали. Не бойся, старый, чай, не впервой!

Старик проследил взглядом за падающим шаром:

– Аккурат в болото за ельником вдарит, – хмыкнул Петрович, – снова учёных туча поналетит на вертолетах, и снова ничего не отыщут. Глубокое болото. Иди-ка сюда. – Он улёгся на снег рядом с собакой. – Тряханёт сейчас сильно. Уж больно она большая, зараза!

Петрович прижал к себе скулящего Черныша и замер в ожидании удара. Огромный, клубящийся огнём шар всё так же бесшумно скользнул за верхушки елей, но ни взрыва, ни землетрясения, ни даже просто хруста ломающейся ледяной корки или чавканья полузамерзшей болотной жижи так и не последовало. Старик подождал ещё немного и приподнялся, прислушиваясь. Из-за ельника, со стороны болота, доносилось негромкое шипение. Петрович встал на ноги и всмотрелся вдаль. Там, за ельником, из-за верхушек деревьев, в воздух поднимался гигантский столб пара, распугивая стайки птиц, поспешно разлетающихся во все стороны подальше отсюда.

– Чудно! – пожал плечами старик, обращаясь к собаке. – Такая здоровенная была эта ракета, а ведь совсем неслышно упала. Не иначе как военная! – Петрович со знанием дела покивал головой. – Я тебе говорю! Это наши испытывают бесшумные ракеты, специально чтобы супостата врасплох застать. Потому мы и не слышали ни звука! – Он довольно крикнул. – Аккурат военная, как пить дать!

Вжавшийся в землю Черныш посмотрел на хозяина и вновь жалобно заскулил. Петрович хотел было успокоить собаку, как вдруг до его ушей донёлся слабый свист. Звук постепенно нарастал, пробиваясь через опущенные уши добротной охотничьей шапки-ушанки, и что-то в том звуке угадывалось для старика давно забытое, но очень знакомое. Он снял ушанку, чтобы прислушаться, и в ту же секунду старые воспоминания яркой вспышкой озарили память. Прохоровка, сорок третий, приближающиеся цепи автоматчиков, прячущихся за квадратные танки с белыми крестами на серой броне, развороченный дот с дымящимся от перегрева пулемётом, зловещие тени шестёрки Ю-88, пронёсшейся в небе, истошный крик: «Воздух!!! Юнкерсы!!!» и заглушающий всё вокруг пронзительный визг отчаянно рвущихся к земле авиабомб...

Старик поднял голову вверх так быстро, что захрустел артрит в шейных позвонках. В небе, со всех сторон, насколько хватало глаз, пылающим дождём сверкали кроваво-огненные метеориты. Эти исполинские капли, как бомбовый удар перед наступлением противника, с до боли знакомым визгом неслись к земле.

– Ядрить твою налево! – выдохнул Петрович, сгребая в охапку Черныша.

Мгновенно вскипевший в крови фронтовой рефлекс бросил старика в сторону, под торчащие корневища ближайшего дерева. В следующий миг огненный дождь с кровожадным воем ударил по заснеженной тайге. От множества оглушительных взрывов в голове Петровича стоял непрерывный звон, земля то и дело подпрыгивала вместе с ним, содрогаясь от очередного удара, всё вокруг трещало, хрустело и лопалось, обдавая старика и прижавшегося к нему пса фонтанами снега, древесной щепы и земляных комков. Как тогда, во время фронтовых бомбёжек, Петрович потерял счёт времени, не в силах понять, сколько он пролежал под рвущими ельник ударами, пять минут или пять часов. Очнулся он, почувствовав, как что-то мокрое и шершавое елозило у него по лицу. Старик открыл глаза.

– Хватит, хватит! – Петрович отстранил от себя Черныша, добросовестно вылизывающего ему лицо. – Живой я! – Однако пёс не унимался. – Да живой, кому говорю! Ишь, всего обслюнявил, санинструктор! Сейчас ледяной коркой покроюсь! – Старик несильно оттолкнул собаку, потом ухватился за обломок корневища и с трудом уселся на снег.

При виде хозяина, пришедшего в себя, Черныш радостно взвизгнул и закрутился, высоко подпрыгивая, словно годовалый щенок. Петрович огляделся. Весь близлежащий лес был нещадно изломан и перепахан – повсюду торчали обломанные стволы, валялись обожжённые кроны, ещё недавно чистый и белый снег превратился в грязно-серое снежно-земляное крошево, однако пожаров нигде не было. Вместо огня из многочисленных воронок поднимались столбы густого пара, с шипением тающего в морозном воздухе. Старик по-фронтовому привычно осмотрел себя и, не найдя повреждений, поднялся на ноги.

– Да, дела... – протянул он, обращаясь к собаке, – что же это было-то, а? Попали мы с тобой, Черныш, под старость лет в переделку, словно хвост в рукомойник! Хорошо хоть, обошлось. Ты как сам-то? Цел?

Пёс снова довольно подпрыгнул и отрывисто гавкнул, сообщая хозяину, что цел и невредим.

– Тогда пошли-ка домой, подобру-поздорову, – постановил Петрович, – пока ещё чего не вышло.

Сопровождаемый собакой старик, обходя воронки и рухнувшие деревья, направился в сторону деревни, на ходу обсуждая произошедшее.

– Это, Черныш, был метеоритный дождь, – объяснял псу Петрович, – точно тебе говорю. Метеоритный! Из самого космоса пришёл, как пить дать! Я вот что думаю, Чернышка, это его той ракетой притянуло, что аккурат перед ним упала. Та самая, секретная бесшумная ракета. Понимаешь?

Счастливый пёс утвердительно гавкнул, давая понять, что понимает.

– Ни черта ты не понимаешь, пёсий ты сын! – добродушно улыбнулся старик. – Где уж тебе с твоими-то собачьими мозгами. Так что слушай меня! Я так понимаю, что дождь этот метеоритный неспроста за ракетой пошёл. Специально это было сделано. Оружие такое, секретное. Сначала ракета бесшумная к супостату прилетает, а потом за ней огненным дождем противника-то и накрывает! Понял, мохнатая твоя башка? Испытания это были, вот что! И то правда, места у нас тут глухие, кто ж там, в Генеральном Штабе, мог знать, что мы с тобой, два старика неспящих, попрёмся сюда ни свет ни заря? Потому и попали под самую что ни на есть бомбёжку...

Петрович некоторое время объяснял Чернышу суть происходящего, как вдруг пёс рванул в подлесок и разразился оттуда звонким лаем.

– Чего это ты разорался, старый дуралей? – Старик, кряхтя, пролез за собакой сквозь густую растительность. – Это ещё что за хреновина?!

Он остановился, разглядывая собачью находку. Посреди подлеска обнаружилась небольшая поляна, покрытая чистым снегом. Прямо на ней лежал полупрозрачный каплевидный камень размером с мешок картошки. Гладкая бордовая поверхность словно светилась изнутри, при этом не освещая ничего и не излучая света, но Петрович мог поклясться, что камень светится. И пусть света от него никакого, достаточно было просто посмотреть на него, чтобы стало ясно – он светится. Черныш, весело виляя хвостом, принюхивался к камню, то поглядывая на хозяина, то принимаясь рыть под камень подкоп. Старик подошёл ближе.

– Дела... – изрёк он, присматриваясь к находке.

Диковинный камень, судя по размерам, должен был весить не меньше центнера, однако он даже не примял под собою снег. Не может же он висеть в воздухе?! Петрович снял со спины двустволку и осторожно толкнул камень прикладом. Камень не шелохнулся. Тяжёлый, паразит. Тогда почему ж он на снегу лежит так, словно из ваты? Старик посмотрел на пса. Черныш деловито рыл снег вокруг камня, время от времени задевая лапами идеально гладкую бордовую поверхность. По всему выходило, что камень этот не опасный... Петрович коснулся его рукой и тут же отпрянул назад от неожиданности. Даже через толстую варезку он почувствовал, что камень горячий. Не обжигающий, но именно горячий, градусов, эдак, в шестьдесят. Старик опустил на колени и прищурился, тщательно всматриваясь в снег под гладкой горячей поверхностью. Снег не таял. Петрович протёр глаза и присмотрелся ещё раз, но результат был тот же: горячий камень весом в добрый центнер лежал на снегу, но снег под ним не приминался и не таял. Тогда старик упёрся в землю ногами, в камень руками и постарался столкнуть бордовую каплю с места. Сначала камень не поддавался, но в следующий миг вдруг неожиданно легко сдвинулся с места. Черныш довольно залаял, мол, всего-то и дел было, что поднажать как следует.

– Знаешь что, Чернышка? – многозначительно изрёк Петрович, толкая вперёд ставший вдруг совсем не тяжёлым камень. – А возьмём-ка мы эту космическую

метеоритную диковину с собой! Глядишь, пригодится в хозяйстве. Эвон, вместо грелки будет нам с тобой. Пожару-то от него никакого! Да и вещица красивая, будет глаз радовать. Правда, тащить его теперь десять километров... Ну да ничего, и не такое мы с тобой таскали.

Старик сбросил с плеч рюкзак, отвязал от него короткие широкие охотничьи лыжи, достал верёвку и присел перед камнем, прикидывая, как получше приладить их к диковинной находке.

Предположительный эпицентр падения метеорита, тайга, окрестности деревни Кедвавом, 4 апреля 1991 года, 13 часов 40 минут.

Облачённый в неуклюжий скафандр человек отделился от длинной цепи затянутых в ОЗК солдат, обшаривающих анализаторами дозиметрических приборов каждый миллиметр покорёженной тайги, и неловко побрёл к небольшой расчищенной площадке посреди леса. То и дело спотыкаясь о заснеженные обломки веток и деревьев, густо усеивающих землю, ученый старательно обходил даже небольшие выемки, опасаясь провалиться в одну из многочисленных воронок, засыпанных прошедшим ночью снегопадом. Добравшись до площадки, в центре которой была разбита надувная гермопалатка из прозрачного двуслойного полимера, он потопал ногами, стряхивая снег с ботинок скафандра, и, немного пригнувшись, вошёл внутрь.

Посреди палатки, вокруг сдвинутых друг к другу передвижных стоек с многочисленным научным оборудованием, сгрудились несколько человек в таких же, как он, неуклюжих скафандрах, взгляды которых были прикованы к дисплеям всевозможных счетчиков, измерителей, осциллографов, потенциометров и прочих датчиков, густо рябящих строками сложных научных данных. Вошедший мельком покосился на обилие индикаторных стрелок, диаграмм, цифр и синусоид, после чего неловко поднял руки к голове и стащил с неё объёмистый шлем скафандра.

– Не преждевременно ли, Леонид Валерьевич? – нахмурился кто-то из присутствующих. – Первичный анализ данных ещё не закончен...

– Ерунда, – отмахнулся тот, – мы здесь уже шесть часов, и ещё к полудню было ясно, что опасности нет. – Он помолчал немного и добавил: – По крайней мере, такой, от которой могут защитить эти скафандры. Военные обшарили уже

десять квадратных километров, счётчики Гейгера показывают норму, ни химической, ни бактериологической угрозы также не обнаружено. Если метеорит и принёс сюда что-то ещё, то мы этого ещё не нашли.

Он подошёл к коллегам и наскоро просмотрел несколько перфолент с графическими данными, лениво выползающих из недр приборов.

– Что у вас, Николай Семёнович? – Учёный взглянул на коллегу. – Есть новости?

– По-прежнему ничего конкретного, – развёл руками тот учёный, что предостерегал его от преждевременной разгерметизации скафандра, – но есть некоторые любопытные странности.

– Сейсмическая активность? – предположил вошедший.

– Нет, она в норме, – Николай Семёнович отрицательно кивнул, – сообщения местных геологических станций не подтвердились. Если тут что-то и происходило, оно закончилось до нашего прибытия.

– Что ж, мы этого ожидали, – невесело поморщился человек без шлема, приглаживая рукой седую шевелюру, – крайне печально, что на организацию экспедиции было потрачено столь непростительно много времени...

Он вздохнул. В кои-то веки науке выпала уникальная возможность изучить редчайший феномен – падение колоссального газового метеорита, под действием запредельно низких температур космического вакуума кристаллизировавшегося в пузырчатое твёрдое тело, а на сбор и подготовку экспедиции не оказывается средств! Ему, академику Лаврентьеву, пришлось лично бегать по высоким кабинетам, буквально вымаливая деньги на экспедицию. Но поистине фантастическая перспектива возможных открытий, быть может, обновления состава таблицы Менделеева, а то и переосмысления старых представлений об устройстве Солнечной системы, галактики или даже Вселенной, в буквальном смысле свалившаяся с неба прямо в руки, абсолютно не интересовала чиновников. В стране творится чёрт знает что, и московские номенклатурщики озабочены только одним: как урвать себе кусок побольше в начинающейся неразберихе. СССР трещит по швам, и высшим бюрократам наплевать на науку. Лаврентьев гневно достучался практически до самого верха, и только после этого на организацию экспедиции были выделены

средства, да и то на треть меньше затребованных.

В результате время было упущено. Станции нефтепромыслов, ближе всего расположенные к району падения метеорита, почти сутки сообщали о регистрируемых сейсмодатчиками слабых колебаниях земной коры, из близлежащих посёлков приходили сведения о поистине феноменальном схождении метеоритного дождя, сопровождавшего разрушение метеорита при входе в атмосферу, и последующих за этим огромных выбросах струй пара из мест падения его осколков. Но пока экспедиция оформляла бюрократические бумаги, закупала и получала снаряжение и транспорт, утрясала формальности со взаимодействием с местными органами власти и армией, а потом ещё добиралась к месту событий, всякая активность в районе падения прекратилась. Ко всему прочему, накануне их прибытия прошёл сильнейший снегопад, и результативность поисков вообще свелась к нулю. Изувеченная бомбардировкой тайга в радиусе пятидесяти километров – вот и все, что пока удалось обнаружить. В тех нескольких воронках, что пока удалось разыскать под сильнейшими завалами, засыпанными толщей свежего снега, не было найдено абсолютно ничего. Конечно, уже само по себе это было определённым результатом. Пробы почвы из воронок в срочном порядке уже готовили к отправке в Москву, где их подвергнут доскональному изучению, но самого главного – явных частиц упавшего метеорита пока отыскать не удалось. И рассказы местных жителей ещё больше ввергали учёных в уныние. Те немногие очевидцы падения именно метеоритного ядра, что не спали в то утро, все как один указывали, что рухнул он точно в центр одного из таёжных болот, которых в этих местах десятки. Болото экспедиция нашла, но толка от этого не прибавилось, от метеорита не осталось и следа, а осушить болото не представлялось возможным.

– Так что же мы имеем? – Лаврентьев вопросительно посмотрел на коллегу.

– Взгляните на показания осциллографа, – кивнул тот, указывая на прибор.

– Хм... – нахмурился академик, – что за ересь... Возможно, прибор раскалиброван?

– Нет, – возразил Николай Семёнович, – остальные ведут себя так же. К тому же я лично проводил калибровку перед выездом из Ухты. – Он протянул руку к соседней приборной стойке: – И вот ещё компасы. Весьма любопытно.

Лаврентьев перевёл взгляд на две стоящие рядом тяжёлые экранированные консоли со встроенными буссолями, геодезическими уровнями, сейсмодатчиками и компасами. Стрелки их компасов указывали прямо противоположные друг другу направления.

– Любопытно! – просветлел академик. – Значит, всё-таки какая-то аномалия тут есть! Когда это началось?

– Невозможно определить, – покачал головой ученый, – дело в том, что это происходит с компасами не всегда. Они-то работают исправно, то начинают показывать чушь, причём не всегда оба, зачастую шалит только один из них, причём всегда разный. И отклонения выдаются тоже различные, без какой-либо упорядоченности. И это – единственное, что вызывает интерес. Никаких других аномалий или отклонений в этом районе нет.

– Значит, мы их ещё не нашли! – В глазах Лаврентьева уже пылало пламя полубезумного научного энтузиазма. – Здесь что-то есть, Николай Семёнович, а раз есть, то я обязательно это разыщу!

Он энергичным шагом подошёл к одному из ассистентов и потребовал освободить себя от скафандра. Едва избавившись от неуклюжего одеяния, академик энергично потёр руки и устремился к стоящему в углу палатки небольшому походному письменному столу. Усевшись на раскладной стул, Лаврентьев выхватил из рук подоспевшего помощника ручку и бумагу и принялся писать.

– Николай Семёнович, голубчик, – заявил он, не отрываясь от написания, – вы сегодня же выезжаете вместе с образцами в город. Полетите в Москву и отвезёте в Академию наук моё письмо. Необходимо проведение гораздо более тщательного исследования этих мест! Я остаюсь здесь и завтра же займусь болотом. И если мне удастся найти в этом хоть малейший смысл, я буду требовать его полного осушения! А пока вся надежда на военных. Благо к нашему везению тут неподалеку расположен строительный батальон, оснащенный всем необходимым для поисков. Будем искать кратеры от падения метеоритного потока! Что-то должно было остаться, не могло же испариться все без исключения!

Академик некоторое время излагал свои планы, размахисто черкая ручкой по бумаге, после чего велел помощнику запечатать письмо, позволил ассистенту надеть на себя меховую куртку и шапку и выскочил из палатки, на ходу подзывая к себе ближайшего из солдат:

– Молодой человек! Да, да, вы! Будьте любезны, подойдите-ка сюда! – Лаврентьев пошарил вокруг взглядом, но затянутые в ОЗК военные были все на одно лицо.

– Рядовой Сомов! – прогундосил через противогаз солдат, отдавая ему честь.

– Вот что, товарищ Сомов. – Академик вздрогнул от порыва ветра и накинул поверх шапки капюшон от куртки. – Отыщите мне Виктора Степановича, майора Лученко! Скажите, академик Лаврентьев хочет его видеть.

– Есть! – козырнул солдат и развернулся.

– Да, голубчик! – окликнул его седой академик. – Скажите Виктору Степановичу, что противогазы можно снять.

20 километров от эпицентра падения метеорита, тайга, 14 сентября 1991 года, 14 часов 10 минут.

– Копай-копай, салага! – Грозный голос нависшего над ямой сержанта подстегнул хилого юношу в погонах рядового к решительным действиям. – Команды «Перерыв» не было!

– Да сколько ещё можно копать-то? – Рядовой обречённо вонзил лопату в землю. – Нету здесь ничего, уже на метр воронку заглубил! – Он с опаской покосился на смуглого мускулистого командира. – Товарищ сержант, может, другую поискать?

– Может, и другую... – задумался сержант, оценивая объём произведённых раскопок, – давай ещё полметра, а там посмотрим.

Рядовой понуро кивнул, взмахнул лопатой, снова воткнул её в землю и остановился, тыкая ею в дно ямы, словно щупом.

– Кажись, есть что-то... – неуверенно произнёс он.

– Опять корневища? – Отошедший было сержант вновь навис над краем разрытой воронки.

– Не похоже, – ответил рядовой, – уж больно твёрдое...

Он принялся орудовать лопатой и спустя минуту извлёк из земли оплавленный камень размером с кулак.

– Вот, ещё один, – доложил рядовой.

– Молодец, Зыков! – похвалил его сержант. – Получишь благодарность от начальства! Давай его сюда. – Он протянул руку.

– Солить мне, что ли, эти благодарности? – пробурчал рядовой, передавая камень. – Уже десяток накопился. Лучше б отпуск дали, домой хоть сгонять...

– Разговорчики! – одёрнул его сержант. – Ишь, размечтался! Отпуск ему подавай. Вот отслужишь год, тогда и поедешь. – Он забрал из рук рядового находку. – Давай, вылазь. Пять минут перерыв, заслужил.

Сержант подошёл к лежащему на поляне вещмешку и бросил туда камень.

– Липкая дрянь, – поморщился он, глядя на абсолютно сухую ладонь, – и как это они липнут, если сухие и твёрдые... – Он затянул ремни вещмешка, на дне которого уже болтались три откопанных метеорита, и окинул взглядом подчинённых.

Его отделение лениво раскапывало старые воронки, оставшиеся от прошедшего в этих местах полгода назад метеоритного дождя. Сержант с иронией покачал головой. Армейский дебилизм, да и только. На кой сдались начальству эти камни? Пол батальона шестой месяц слоняется по тайге в поисках метеоритов. Они что, и вправду думают, что сотня бойцов с лопатами может перерыть территорию в пятьдесят километров в поперечнике?! Конечно, как гласит армейская мудрость: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор», но этих дыр в земле, их тут тысячи, если не десятки тысяч. Хорошо ещё, что хоть сама

задача примитивная, ничего толком объяснять бойцам не надо. А то у него в отделении по-русски хорошо понимает один только Зыков, произнося фамилии остальных, сержант до сих пор боится язык сломать. И в остальных ротах не лучше, стройбат ведь, что с него взять... Сержант посмотрел на часы и, набрав в грудь воздуха, зычно произнёс:

– Отделение! Слушай мою команду! Перерыв! Выходи строиться на обед! – Даже сама мысль о построении на обед восьми человек посреди тайги не вызвала у него улыбки. Этим балбесов надо пересчитывать каждые полчаса, не то попросту заблудятся в трёх ёлках, дети песков, блин...

Вымазанные в земле бойцы вылезли из ям, выстраиваясь в неровную шеренгу, и сержант, убедившись в наличии всех людей, приказал приступить к разогреву сухого пайка. Он уселся на поваленное дерево и достал из своего вещмешка консервную банку и с минуту возился, вскрывая её штык-ножом. Затем он достал армейскую алюминиевую ложку и принялся за обед, внимательно следя за действиями подчинённых. «За этими баранами глаз да глаз нужен. Ещё не хватало, чтобы какой-нибудь Джуманиязов разогрел вместе с банкой тушёнки половину окрестной тайги. Кстати, где он?» – Сержант окинул взглядом людей и, устало вздохнув, поднялся на ноги.

– Джуманиязов! – крикнул он тоном, не предвещающим будущему аксакалу ничего хорошего. – Джуманиязов!!! Ты куда делся, придурок?! – Ответа не последовало, и сержант повысил голос: – Джуманиязов!!!

«Придётся искать, – скривился сержант, – дальше орать – себе дороже. Вся рота роет воронки в этой округе, и ротный слоняется туда-сюда между отделениями, проверяя ход работ. Если услышит и поймёт, что пропал боец, сержанту несдобровать. Это конкретный залёт. Со взводным ещё можно договориться, а с командиром роты бесполезно, узнает – и уходит сержанту на дембель самым последним. Ну, Джуманиязов, ты попал! Найду, точно фанеру тебе проломлю!» – Сержант тихо выругался и посмотрел на подчинённых:

– Назыров! Остаёшься за старшего. Всем сидеть тут и ждать! Если до моего прихода кто сдвинется с места – придушу! Зыков! Со мной пойдёшь! Резко вскочил и побежал! – Сержант угрюмо направился в сторону ближайших деревьев: – Не слышу ответа по уставу, Зыков!

– Есть, товарищ сержант! – промямлил рядовой, торопливо догоняя своего командира. – А куда пойдём искать-то?

– Прямо! – огрызнулся сержант. – Далек этот debil уйти не мог. Наверняка залез за дерево и харю мочит, скотина. Найду – убью!

Зыков благоразумно предпочёл промолчать, и некоторое время они молча прочёсывали изломанную берёзовую рощицу, углубляясь все дальше. Джуманиязова нигде не было. Спустя полчаса поисков сержантская злоба окончательно сменилась испугом. Если Джуманиязов не найдётся вообще, один Аллах знает, что с ним сделает начальство. Он спешно пытался вспомнить, что говорил ротный на инструктаже по поводу диких зверей в этой местности.

– Зыков! – окликнул сержант бредущего в десяти шагах рядового. – Может, его медведь сожрал? Ты инструктаж помнишь? Что там про них говорили?

– Нет, – покачал головой тот, – капитан сказал, что медведей тут нет. Вроде один живёт километрах в тридцати и сюда никогда не ходит. Да и не отправили бы нас эту дрянь копать, если б тут медведи бродили. А если задерут кого-нибудь? Офицерам на полжизни садиться не хочется...

Короткий крик прервал его на полуслове.

– Тихо! – махнул рукой сержант. Оба бойца замерли, прислушиваясь. Спустя пару мгновений крик повторился вновь. – Джуманиязов!!! Это ты?!!

Джуманиязов орал истошно, но его вопли звучали глухо и негромко, словно издалека.

– Он что, из-под земли орёт, что ли? – произнёс сержант, растерянно оглядываясь по сторонам. – Джуманиязов!!! Где ты?!!

– Может, он в воронку провалился? – предположил Зыков. – Товарищ сержант, помните, те учёные рассказывали, что должны быть очень крупные воронки от метеоритов, которые надо искать? Может, он и нашёл...

В этот момент глухой вопль повторился вновь, на этот раз уже ближе.

– Туда! – Сержант устремился на звук. – Джуманиязов!!! Мы здесь!!!

Крики уже не прекращались, Джуманиязов истошно вопил, крики звучали глухо, но потерявшийся явно был совсем недалеко. Бойцы, перепрыгивая через обломки деревьев и груды валежника, преодолели метров двадцать леса, как вдруг крик зазвенел громко и отчетливо. Спустя несколько секунд впереди, из-за кустов и деревьев, выскочил Джуманиязов с перекошенной от ужаса физиономией и, не разбирая дороги, рванул куда глаза глядят, словно не замечая бегущего ему навстречу сержанта. При этом он обхватил одну руку другой, прижимая её к животу, и продолжал истошно орать.

– Зыков! Лови его! – закричал сержант, пытаюсь схватить проносящегося мимо Джуманиязова, но не успел.

Оба бойца бросились догонять убегающего. Через десяток шагов Джуманиязов запнулся об обломок дерева и кубарем полетел наземь. Упав, он перестал орать и, судорожно извиваясь, пополз, не разбирая дороги, пока не уткнулся в вывороченную с корнем берёзу и замер. Первым до него добрался Зыков. Он склонился над свернувшимся в клубок беглецом, пытаюсь выяснить, что произошло:

– Джуманиязов! Что с тобой?! – Зыков затряс его за плечи.

В этот момент рядом с ними оказался сержант.

– Джуманиязов, debil, тупая скотина! Ты где был, придурок?! – Он с размаху заехал лежащему сапогом. – Убью козла! – Последовал второй удар.

– Он не слышит ни фиги! – Зыков отвернулся от Джуманиязова. – У него кровь! С рукой что-то, не могу понять, вцепился в неё намертво! – Солдат снова склонился над лежащим и вдруг резко отпрянул назад: – Охренеть! – Зыков испуганно посмотрел на сержанта. – У него половины ладони нет! Словно бензопилой отхватило!

И действительно, скрючившийся Джуманиязов вдавил себе в живот кровоточащий огрызок ладони и не реагировал ни на окрики, ни на удары. Он лежал, закатив глаза, и, безумно сверкая белками, непрерывно бормотал что-то невразумительное исполненным панического ужаса голосом.

– Т-товарищ сержант, что он говорит? – проямлил Зыков. – Я кроме слова «шайтан» ничего не понимаю...

– Откуда я знаю?! – Сержант вlepил Зыкову оплеуху. – Я тебе что, туркмен, ты, урод?

Зыков втянул голову в плечи, и сержант зло обшарил Джуманиязова взглядом:

– Руку порвал, ремня нет, фляги нет... ротный устроит мне полный звездец! Аллахом клянусь, если из-за этого козла мне задержат дембель, я ему башку зубами отгрызу! – Он встал на ноги и ещё раз пнул лежащего Джуманиязова, вымещая зло.

– Что делать будем? – Зыков был бледен, как полотно. – Сами его потащим или на помощь позовём?

– Сначала пошли посмотрим, откуда он прибежал, – немного подумав, ответил сержант, – может, ремень с флягой подберём, хоть не так сильно попадёт от ротного.

– А как же Джуманиязов? – опешил Зыков.

– Да куда он денется? – сплюнул сержант. – Пусть валяется пока тут, слизняк позорный...

Они принялись обшаривать кусты и валежник в поисках потерянного снаряжения, бродя от дерева к дереву, но уже через двадцать метров изломанная рошица неожиданно закончилась густым кустарником, выходящим на довольно большое болото.

– Это он там, что ли, был? – Зыков вытаращил глаза не хуже Джуманиязова, указывая пальцем на представшую их взглядом картину.

Посреди болота, почти полностью утопая в нём, лежал огромный, непонятной формы камень размерами не меньше рухнувшей плашмя десятиэтажки. Сходства добавляло обилие зияющих темнотой дыр, усеивавшее поверхность камня, словно разбитые окна на стене опрокинувшегося здания. Верхняя кромка

этой громадины неровно торчала из болота, где-то едва высываясь из грязной синей жижи, а где-то выпирая из неё на несколько метров. У самого берега болота в камне чернела пещера высотой с человеческий рост, от которой к берегу вели отпечатки следов армейских сапог. Приглядевшись, несложно было заметить на окружающем следах кочкарнике капли крови.

- Ни хрена себе... - выдохнул сержант.

С минуту оба молча смотрели на изъеденную дырами громадину, утопающую в болоте, потом Зыков, осторожно придвинувшись к сержанту, тихо сказал, не сводя глаз с неестественно синей болотной жижи:

- Т-товарищ с-сержант... это его, Джуманиязова, следы... вон и кровь... Здесь он был. - Рядовой попятился ещё сильнее, стараясь оказаться поближе к сержанту. - Эта дура в болоте, это же метеорит! Мы выкапываем точно такие же, только маленькие! - Зыков обернулся к сержанту и уже не по уставу зашептал: - Ильдар, слушай, не надо никому рассказывать, что мы видели эту хреновину! Нас же сюда и пошлют первым делом, выкапывать всё это! Не доброе тут место, задницей чую! Не дай бог, попадём в передрагу, как Джуманиязов! Вон, гляди, болото вокруг камня синее стало... В гробу я видал сюда лезть, а, Ильдар?!

- Агрх! - выругался сержант и резко шлёпнул себя рукою по щеке. - Что за дерьмо? - Он, сморщившись, разглядывал размазанное ударом по ладони синее склизкое существо размером с ноготь, не то маленькую круглую пиявку, не то большого плоского клопа без лапок. - Дрянь, блин! - Он брезгливо вытер руку о штанину и почесал зудящее место укуса.

- Пойдём отсюда, а? - с дрожью в голосе попросил Зыков.

- Дело говоришь, - согласился сержант, - валим отсюда. Мы ничего не видели. Джуманиязов сам прибежал с покоцанной рукой, что он там рассказывает - всё неправда. Наверное, головой ударился, помоги ему Аллах! Мы ничего не знаем!

Солдаты, не сговариваясь, развернулись и торопливо поспешили обратно в лес.

Окрестности деревни Кедвавом, расположение воинской части «N», строительный батальон, 22 сентября 1991 года, 18 часов 30 минут.

Немолодой грузный офицер без кителя и галстука, с расстёгнутым воротом форменной рубахи, из-под которого виднелась гражданская майка, сидел за старым обшарпанным письменным столом в своём кабинете и пил чай из огромной фаянсовой кружки. Рядом на столе лежал открытый полиэтиленовый пакет с печеньем из местного «Военторга». Офицер посмотрел на часы. Ну, где доклад? Поест по-человечески невозможно, одни идиоты кругом! Снова на смене наряда дежурные по части принимают друг у друга недостатки, болваны. Не принимать их надо, а устранять! А то списки растут из месяца в месяц, скоро книги приёма-сдачи дежурств придётся менять, а толку никакого. Вот скоро он лично доберётся до них, тогда пенять будут сами на себя! Если бы не эти учёные со своими метеоритами, он уже давно бы навёл в части порядок! А так руки не доходят, тайгу вскапывать надо, приказ командующего округом. Видите ли, дело крайней научной важности! Ну так пусть учёные сами и роют, раз дело научной важности! Так ведь нет же, сидят себе преспокойненько в Москве и прилетают раз в квартал с проверкой. Хорошо быть учёным в стране советской! Восседаешь в шикарном столичном кабинете, за тебя где-то в забытой богом глуши стройбат роет грязь, отыскивая какой-то мусор, якобы свалившийся из космоса, а ты получаешь учёные степени, государственные награды и премии! Я бы так жил! Он вновь недовольно посмотрел на часы и протянул руку к пакету. Однако в этот момент в дверь постучали, и офицер с сожалением отставил кружку в сторону.

– Разрешите войти, товарищ майор? – В приоткрывшуюся дверь заглянул один из офицеров части.

– Разрешаю! – ответил он, отодвигая пакет с печеньем.

В кабинет вошли двое офицеров, один из них держал в руках журнал приёма-сдачи дежурств.

– Товарищ майор, капитан Загнидзе дежурство по части сдал! – доложил первый.

– Старший лейтенант Курляндский дежурство по части принял! – подхватил второй.

Майор молча протянул руку, забрал журнал приёма-сдачи, некоторое время изучал записи и принялся распекать подчинённых.

– Почему запись о наличии на складе объекта «М» вчерашняя? – Командир части переводил взгляд с одного офицера на другого. – Не понял! Что, за весь день не нашли ни одного булыжника?

– Товарищ майор, начсклада отсутствует по болезни, некому сводку давать... – доложил старый дежурный, – сегодня после обеда ушёл в санчасть, ещё не вернулся, я дважды за ним бойца посылал.

– И что значит «пропали Лом и Ярик»? – Комбат недовольно поморщился. – Вы что, на солнце перегрелись, что ли?

– Виноват, товарищ майор! – вытянулся новый дежурный по части. – Я так записал, не знал, как зафиксировать... Это клички собак с подсобного хозяйства.

– Тоже с цепей сорвались? – нахмурился майор, вчитываясь в журнал.

– Так точно, – ответил старый дежурный, – ещё вчера. До сих пор не появились. И там ещё... – он немного замялся, – там ещё две чушки пропали, товарищ майор. Я думал, может, бойцы украли да забили на шашлык, отправлял людей на поиски. Всю часть перевернули, и даже близлежащий лес прочесали, но никаких следов. Странно это как-то. У нас девяносто процентов личного состава родом из мусульманских республик. Им по религии свинину есть не положено. Они скорее собак бы съели, а тут – чушки пропали... И начсвинарника говорит, что свиньи вторые сутки ведут себя беспокойно...

– Отлично! – подытожил комбат. – Просто лучше и быть не может! За три дня пропадает шесть собак, теперь свиньи сбегать начали. У нас тут, конечно, стройбат, но хочу напомнить вам, товарищи офицеры, если вдруг кто-то из вас запомнит, что военно-строительные войска являются частью Вооруженных Сил. Это воинская часть, а не дом открытых дверей!

Майор гневно ткнул книгу приёма-сдачи в руки новому дежурному:

– Замполита и Зампотыла ко мне! – И, обернувшись к старому дежурному, сурово добавил: – Рапорт мне обо всех пропажах через полчаса! Подробный! И объяснительную от начальника подсобного хозяйства! Свободны!

Офицеры козырнули и торопливо покинули кабинет комбата. Майор потянулся за кружкой. Бардак да и только. Нужны ежовые рукавицы, чтобы навести в части порядок, но возиться со всем этим комбату было откровенно лень. За восемь лет практически безвылазного сидения в этой и богом и чертом забытой глухомани к службе у комбата выработалась крайняя степень отвращения. Какой смысл надрываться и разбиваться в лепешку, делая из стада не понимающих по-русски и двух слов дежкан более-менее результативное подразделение, если никто не оценит его усилий? Начальству всё равно наплевать на затерянный в тайге стройбат, лишь бы он там был, хотя бы на бумаге, и уже отлично. Никто не желает служить в такой заднице, от которой до ближайшего города с аж сотысячным населением добрых сто тридцать километров по убитой таёжной дороге, гарантированно преодолеть которые можно только зимой, когда замёрзнут многочисленные болота.

Эта должность для комбата была сродни пожизненному заключению. Работай, не работай – результат неизменно будет одним и тем же: будешь рулить этой задницей до пенсии, и нет ни малейшего шанса отсюда выбраться. Часть имеет хорошие показатели – отлично, командир на своём месте, пусть и дальше его занимает. Если показатели плохие – тем более пускай сидит, не дорос ещё до перевода. За долгие годы службы комбат отлично уразумел этот нехитрый принцип начальства и давно уже перестал напрягаться на службе, чтобы не усложнять себе жизнь. В отличие от СССР, его часть не разваливается, и то хорошо. Остальное не волнует командование, почему же тогда оно должно волновать его? И сентябрьское происшествие только укрепило комбата в этом мнении. Когда у рядового Джуманиязова в буквальном смысле съехала крыша и он убежал в тайгу, где его нашли с изувеченной рукой в совершенно недееспособном состоянии, что произошло? А ничего. В другом месте разразился бы грандиозный скандал, но его, комбата, лишь пожурили в короткой телефонограмме. Джуманиязова увезли в госпиталь и списали, а через пару недель о случившемся никто и не вспоминал. И не удивительно. Стройбат в глуши – какие ещё есть вопросы? Так что проявлять давно потерянный к службе интерес майор не собирался. Но вот хорошенько выдрать начальника подсобного хозяйства следует, списывать свиней столь откровенно наглым образом – это уже перебор. Если не хочет делиться, то заменить его на более сообразительного прапорщика – дело двух минут.

– Разрешите, Леонид Константинович? – Входная дверь отворилась, и на пороге показался начальник медицинской службы.

– Входите, Павел Андреевич, – разрешил майор, бросая взгляд на часы, – что-то вы сегодня припозднились.

Главный медик батальона, ещё совсем мальчишка, недавно окончил Военно-медицинскую академию. Он не прослужил в его части и двух лет, однако комбат сознательно выделял его из общей массы офицеров. Всё-таки медицина, единственный хорошо квалифицированный врач на весь батальон и заодно на добрые километры восемьдесят вокруг. Случись что непредвиденное, кроме него обратиться будет не к кому, до ближайшего госпиталя, мягко говоря, очень далеко, а учитывая творящийся в армии бардак с этой делёжкой Советского Союза, вертолёт можно и вовсе не дожидаться. Вот и получается, что пацанначмед, да местная знахарка бабка Полина из деревни Кедва и есть всё здешнее здравоохранение...

– Работы много, – ответил начмед, – к тому же я хотел переговорить с вами с глазу на глаз.

– Присаживайтесь, – комбат указал медику на стул, – я, кстати, собирался вам звонить. Что там стряслось с начальником третьего склада? Дежурный докладывает, его весь день нет на службе.

– Об этом я и хотел с вами поговорить, – начмед достал из папки лист бумаги и протянул его комбату, – вот сводка за прошедший месяц. Почти весь личный состав части жалуется на жёлтую сыпь в области живота...

– Пойдите, Павел Андреевич, – остановил его комбат, – вы же говорили, что она абсолютно не вредна, не заразна и не представляет собой никаких поводов для беспокойств. Насколько я помню, вы сами объявили это незначительной аллергической реакцией организма на непривычные климатические факторы. Разве не так?

Хоть начмед и был на особом положении, а расслабляться ему давать не стоит. Эдак он тут со своими гениальными идеями дров-то наломает. Комбат читал начмедовскую сводку и всё больше хмурился. Совсем пацан не понимает, чего творит. «Подозрение на неизвестную потенциально опасную эпидемию»...

«требуется проведение широкого спектра углублённых исследований»... сбор анализов, консультации со специалистами из окружного госпиталя... отправка образцов в Ленинградскую Военно-медицинскую академию... Да уж, совсем зарпортовался парень.

– Да, действительно, я поставил такой первичный диагноз, – подтвердил начмед, – и до сегодняшнего дня был в нём уверен, но... – Он немного замешкался.

– И что же случилось сегодня? – посмотрел на него комбат.

– Сегодня ко мне на приём пришёл прапорщик Гетманенко, начальник третьего склада. – Военный медик понизил голос и заговорил осторожно, словно опасался разгласить некую совершенно секретную информацию. – И я обнаружил у него в области живота жёлтую сыпь. Но Гетманенко служит здесь четырнадцать лет, он уроженец Сосногорска, то есть местный житель. У него не может быть аллергии ни на здешний климат, ни на воду или пищу, все это для него родное и в порядке вещей!

– Значит, сыпь всё-таки заразна? – насторожился майор.

– Нет, – замотал головой начмед, – я весь день провёл за анализом. Сыпь безвредна и от человека к человеку не передаётся. Это всего лишь жёлтые точки, не более того.

– Тогда в чём же суть такого переполоха? – Комбат помахал медицинской сводкой.

– Обнаружив сыпь на теле Гетманенко, я вновь задумался о причинах её появления, – начмед вновь полез в свою папку за какими-то бумагами, – вот, взгляните, товарищ майор...

– Я не врач, – остановил его комбат, – давайте-ка лучше в двух словах, так будет понятнее.

– Если коротко, то все бойцы, у которых обнаружилась сыпь, контактировали с объектом «М», – заявил военный медик, – я всё перепроверил. Они или сами

выкапывали его из воронок, или доставляли объект «М» в расположение части в своих вещмешках, или просто брали его в руки при случае. У тех, кто в раскопках не участвовал, сыпь так и не появилась. А прапорщик Гетманенко постоянно имеет дело с объектом «М», ведь он хранится на его складе. В общем, я подозреваю, что сыпь есть результат воздействия на человека осколков метеорита.

– Ерунда, – отмахнулся комбат, – московские академики, для которых мы роём этот мусор, дали гарантию, что объект «М» абсолютно безвреден и вообще мертвее камня.

– Это так, – согласился начмед, – более того, я пытался изучать осколки всеми доступными мне тут небогатыми средствами. Абсолютно неживая порода, хоть и не известная. Но я чувствую, что что-то тут не так. Осколки как-то связаны с сыпью, мы просто не в состоянии этого увидеть.

– Павел Андреевич, мы с вами люди военные, а вы к тому же ещё и научный специалист, – назидательно отметил комбат, – и не мне вам объяснять, что одних только предчувствий в нашем деле недостаточно. Как вы планируете объяснить командованию, из-за чего весь сыр-бор?

– У меня есть косвенные данные, – заоправдывался начмед, – сегодня я длительное время изучал осколок и к вечеру обнаружил сыпь у себя. Но даже не это меня настораживает больше всего.

– А что же? – Комбат иронично прищурился.

– Прапорщик Гетманенко, – несколько неуверенно ответил военный медик, – он пришёл сегодня ко мне с осколком метеорита и попросил дать ему больничный на пару недель. Говорил, что устал и нуждается в психологическом отдыхе. И знаете, чем он хотел заняться в своём внеплановом отпуске? Побыть вдали от суеты цивилизации, побродить по тайге, быть может, заняться наукой, копать метеоритные воронки и собирать объект «М». Всё время показывал мне осколок и говорил о том, какой это замечательный и любопытный предмет. Это очень странно! На обычную попытку «откосить» от службы это не похоже. Кто же будет рассказывать о красоте камня или желании побыть вдали от цивилизации! Можно подумать, что где-то тут, у нас, она есть, эта цивилизация! Это очень странно! – Начмед обеспокоенно покачал головой. – Он не расstaётся с

осколком. Я подозреваю, что объект «М» в больших концентрациях способен влиять на человека... Почему вы смеётесь, Леонид Константинович?!

– Павел Андреевич. – Комбат, улыбаясь, вернул медику его бумаги. – Вы служите у нас совсем недавно и ещё не в курсе всех тонкостей фольклора военных строителей. Вот прослужите лет пять, ещё не то услышите. У нас тут такие изобретательные личности, что иногда просто диву даёшься, не в том месте актеров в кино набирают! Ради больничного и возможности забить на службу и сгонять на рыбалку вам такое расскажут, что ни один академик в Москве не слышал! И правдоподобия ради не то что с камнем, с медведем обниматься будут. И целоваться, и даже заявление в ЗАГС подадут, лишь бы не работать. Так что не забивайте себе голову, если у Гетманенко и есть какая-то болезнь, то это острое воспаление хитровидной железы. А такие недуги по моей части. Вот увидите, завтра же я его излечу, прямо после утреннего развода. Так что идите, отдохайте, Павел Андреевич, а мне ещё надо закончить ряд вопросов. И не переживайте ни о чём, вы отличный специалист, и пара-другая каких-то жёлтых точек на пузе наевшегося дикой ягоды дехканина вам не противник. Справитесь, я не сомневаюсь в вашей компетентности. Идите.

Пристыженный начмед торопливо собрал свои бумаги, четко, по уставу, козырнул, развернулся и вышел. Комбат вернулся к остывшему чаю и запустил руку в пакет с печеньем. Пацан совсем зелёный еще. Нашёл на себе какую-то мизерную болячку и поднял такой шум. Сразу эпидемию обнаружил. Да, у страха глаза велики, а местный КВН этим пользуется. Ну да ничего, начмед толковый вроде, со временем оботрется. А Гетманенко пистон под хвост получит обязательно, это ж надо было такое учудить! Наукой он собрался заняться, подальше от цивилизации! Майор тоскливо посмотрел в окно, на глухую тайгу, со всех сторон окружившую вверенную ему воинскую часть. Тоже мне, Андерсен, Ганс Христиан, блин. Ладно, завтра разберёмся.

Деревня Кедвавом, 10 км от предполагаемого места падения ядра метеорита, 4 ноября 1991 года, 11 часов 15 минут.

С улицы донёлся отрывистый собачий лай, сопровождаемый скрипом калитки, и возящаяся у кипящего чугунного котла седая женщина, болезненно поморщившись, распрямила больную спину. Она отошла от старого стола, заставленного множеством разнокалиберных баночек, наполненных всевозможными порошками, перетёртыми травами и мутными жидкостями

разных расцветок, обошла пару растянутых бельевых верёвок, увешанных пучками сушёных трав, цветов и корней, и выглянула в окно.

- Джина, фу! - раздался голос внука. - Это свои!

Десятилетний мальчуган, счищавший огромной, явно ему не по росту, деревянной лопатой снег с давно развалившегося дедовского ГАЗ-69, погрозил собаке пальцем и, обернувшись к стоящему в дверях калитки мужчине в военной форме, важно добавил:

- Здравствуйте, дядя Федя. Вы к бабушке? - Он опёрся на лопату и приложил руку козырьком ко лбу, закрывая глаза от полуденного солнца.

- Да, Валера, - ответил гость, - Полина Федосеевна дома?

- Отвар делает лечебный, - степенно объявил мальчишка, - проходите в дом, дядя Федя.

- Заболел кто или впрок колдует? - Мужчина в погонах старшего прапорщика затворил за собой калитку.

- Джина захворала, - мальчуган кивнул на лежащую возле будки собаку, - но бабушка её к обеду вылечит. Надо только отвар для заговора изготовить.

- Если Полина Федосеевна так сказала, значит, точно вылечит, - согласился гость, проходя к дому по расчищенной в снегу тропинке, - а что с забором у вас приключилось? - Он указал на свежую дыру в дощатом заборе, снег возле которой был усыпан щепой и утоптан следами копыт. - Скотина бесилась?

- Угу, - насупился мальчишка, - бычок ночью сбежал. Надо бы поискать в лесу, пока не сгинул, да бабушка не разрешает. - Маленький хозяин по-взрослому вздохнул: - А забор я поправлю сегодня, вот только с машиной закончу... - Он вновь принялся орудовать лопатой.

Старая женщина улыбнулась, глядя на внука. Работящий мужик растёт, настоящий глава семьи. У такого хозяйство всегда в порядке будет. Жаль, дед помер рано и не видит внука. Мальчонка весь в него пошел. Она направилась к

двери встречать гостя. Что-то рановато Федька заявился. По времени выходит, что на службе он должен быть сейчас, не иначе тоже захворал. Знахарка нахмурилась.

Недобрые времена настали в округе после того метеоритного дождя. Деревню в то утро не иначе чудом в щепки не разнесло, только пару крыш пробило, да огороды перепахало подчистую. Хорошо хоть, не зацепило никого. Но с дождём этим космическим ничего не закончилось. Невидимое зло поселилось в тайге с тех пор, и старая знахарка чувствовала, как с каждым месяцем оно набирает силу, будто готовя что-то злое. Но никто не желал обращать внимания на её слова, не принимая всерьёз древнюю старуху не от мира сего с её столь же древними суевериями. Нынче все образованные, все умные, всё вокруг наукой меряют... Она печально покачала головой. А что наука-то? Сперва понаехало ученых мужей несколько дюжин, прям как ото всюду набежали! И из Москвы, и из Ленинграда, и делегация какая-то научная не то из Франции, не то из Америки, все бродили по битой тайге, приборами разными по сторонам водили, воронки от метеоритов раскапывали, всю деревню перекопали почище тех метеоритов... Поковырялись месяц, не нашли ничего, да и подались восвояси. Один только московский академик раз в квартал заглядывает в воинскую часть, где Федька служит, камни эти космические забирает, что солдатикам приказано по воронкам копать. Вот тебе и вся наука. Не обнаружили их пробирки и всякие компьютеры «никаких находок, представляющих интерес». Так сказал один профессор. Во как завернул. И зло тихое, что с той поры в тайге растёт, тоже не обнаружили. Но она, Полина, его чувствует. С каждым днём злое безмолвное шипение все громче делается, всё настойчивее. И, видать, силы своей чёрной набрало оно уже достаточно, раз дела недобрые твориться стали. Зверье в тайге на охотников нападает, уже трёх человек нашли разодранными в клочья. Собаки и скотина бесятся и в лес убегают, гады в округе появились невиданные, вчера её укусила какая-то мелкая, словно ноготь, синяя нечисть, мерзости такой в этих краях отродясь не водилось...

А пару дней назад и люди пропадать начали. Просто уходят ночью в тайгу, молча, тайком. Просыпается семья утром, а человека-то и нету. Лишь следы к лесу тянутся. И уходят налегке совсем, прямо как старый Петрович после того, как кагэбэшники у него тот камень отняли, что он из тайги притащил. Едва учёные-то прознали про камень, что вечно горячий, но снег не топит, так и забрали и его, и старика в город вместе с собакой. Вертолёт специальный прилетал за ними. Неделю изучали старика, а потом привезли обратно, но камень ему так и не вернули. Петрович тогда сильно сдал и поник, прямо на глазах совсем поплохел, словно отняли у него что-то очень дорогое и родное. И

Черныш две ночи подряд выл, словно проклятый. А третьего дня спозаранку оба они и ушли. С тех пор ни слуху о них и ни духу, народ решил, что помирать старики в тайгу подались, видать, час свой назначенный смекнули. Она тогда ещё почувствовала что-то странное и неладное, да только злом по весне ещё не пахло так сильно, как сейчас. Видать, теперь нечисть эта совсем других размеров стала... Шестеро деревенских уже в тайгу ушли, все под утро, в самый сонный час, словно хоронились от своих домашних. И участковый тут не поможет – нынче поутру он тоже сгинул.

– Полина Федосеевна, разрешите войти? – раздался за дверь Федькин голос.

– Входи, Феденька, отчего ж не войти-то, – ответила старая знахарка, – не заперто у меня.

Прапорщик вошёл в избу и, взглядываясь в царящий вокруг полумрак после яркого дневного света, поздоровался, стягивая с головы армейскую ушанку.

– Ты сапоги не снимай, – велела старушка, – так проходи. Мне всё равно прибираться, как варево подоспеет. – Она усадила гостя на стул. – Ну, рассказывай, с чем пришёл. Аль захворал чем? Постой... – знахарка внимательно посмотрела на гостя, жестом прерывая его ответ, – чую я... – Старая женщина закрыла глаза, будто прислушиваясь, и протянула к прапорщику руки, замирая.

Спустя несколько секунд она открыла глаза:

– Гадость эта жёлтая, нечистая, на животе у тебя! – уверенно заявила она. – Давно ты её на себе нашёл?

– С-сегодня утром, – занервничал прапорщик, – на службу встал, пошёл умыться, гляжу в зеркало в ванной, а она, значит, на животе у меня... – его едва заметно передёрнуло, – я было подумал сперва, что вымазался где. Водой помыл, а она не проходит, зараза! Тогда я в батальон побежал, и первым делом в санчасть. Начмед у нас пацан молодой, но толковый, и всё на эту жёлтую сыпь рычит, уж полгода подозревает её в чём-то. И то сказать, как батальон наш весной получил приказ метеориты эти копать, так все бойцы с жёлтыми пузами и ходят. Отправляли их в госпиталь окружной, да тамошние медики сказали, что сыпь безвредна, мол, реакция это аллергическая на местный климат и пищу. У нас же сплошь киргизы да туркмены служат. Только начмед всё паниковал, вечно

анализы какие-то устраивал солдатам, метеориты эти всякими кислотами поливал. Посмеивались над ним, чего тут скажешь. Да вот только потом начальник склада, где собранные камни хранились, в тайгу ушёл. Ровно как Петрович тогда или как наши сейчас уходят. Так и не нашли его. А через неделю бойцы пропадать начали, прямо как наши, деревенские, что теперь в лес уходят. И никого не найти. Посылали поисковые группы, так одну из них зверье так подрало, что пришлось везти в госпиталь. А вторая как ушла на поиски, так теперь их самих впору искать. Из города приезжала комиссия, проводила расследование, комбату тюрьмой грозили, из офицеров всю душу вытряхнули, да так ничего и не решили. А что тут решишь? У нас в подсобном хозяйстве ни одной животины не осталось, даже кошки в лес ушли. Комиссия объявила, что в тайге эпидемия бешенства, и уехала восвояси. Начмед все спорил, доказывал, говорил, что сыпь жёлтая появилась из-за камней – это симптом. Приехали врачи из окружного госпиталя, провели медицинскую проверку, ничего не нашли и уехали. Влепили начмеду строгий выговор с занесением, за распространение паники, да пообещали вообще за Полярный круг перевести. Комбата и замполита временно отстранили от должности, но не заменили, слухи ходят, что не на кого менять, в стране чёрт-те что творится, вот и в армии бардак. А у нас в стройбате и без того порядку-то много не бывало... Так и командуют оба до сих пор, словно и не было ничего. На том и закончилось всё, только бойцы пропадают, да животы желтеют.

Прапорщик замолчал, переводя дух. Он смахнул со лба нервную испарину и продолжил:

– У нас в батальоне начальниками складов служат двое мужиков из окрестных посёлков, Койю и Тома. Так вот, вчера они рассказывали, что у них тоже люди пропадают. И не только у них, в Томе и в Койю, вроде в Поромесе тоже исчезают. И всюду одно и то же: встаёт человек перед рассветом, да и уходит себе неслышно в тайгу. Вот я сегодня и струхнул, когда сыпь эту у себя на пузе увидел. Тут же к начмеду и побежал... – Фёдор тоскливо вздохнул и боязливо поёжился, – только вот нет у нас больше начмеда. Не вышел с утра на службу. И в общежитии его нет. Вроде кто-то из наряда по КПП видел, как он под утро стоял недалеко от ворот и от тайги взгляда не отрывал. Тут уж я испугался не на шутку, и сразу к вам, Полина Федосеевна. Помогите, бога ради, я уж в долгу не останусь! И забор вам починю, и запчасти к машине достану, и с ремонтом подсоблю!

– Ну, полно тебе! – остановила его знахарка. – Чего раскис, как девица красная? Снимай шинель и рубаху, управимся с твоим животом и без запчастей. Лихо оно и есть лихо, извести его надобно обязательно.

Прапорщик торопливо скинул шинель, китель и рубашку и принялся стаскивать с себя майку. Старуха пошла к дымящемуся котлу и смочила в нём тряпицу.

– На вот, протри живот, – она протянула тряпку Федору, – да смотри, тщательнее три!

Пока мужчина старательно выполнял её указание, Полина Федосеевна смешивала в бутылке из-под уксуса какие-то травы и жидкости, тщательно выверяя пропорции. Наконец, сочтя смесь собранной, она зачерпнула деревянной ложкой варево из котла и добавила в бутылку. Тщательно встряхнув содержимое, она достала гранёный стакан и наполнила его наполовину.

– Пей! – Старуха протянула стакан прапорщику: – Залпом пей, как водку пьёшь!

Федор подчинился, и знахарка, закрыв глаза, вновь замерла около него.

– Вот и молодец, – похвалила она гостя спустя несколько мгновений, – отвадил нечисть. Иди, Феденька, служи покуда. И если вдруг худо себя почувствуешь, али в лес потянет, сразу ко мне возвращайся!

– Спасибо, Полина Федосеевна! – Прапорщик облегчённо выдохнул. – И вправду полегчало! – Он принялся одеваться. – Спасибо большое! – Он повеселел на глазах. – Можно я вечером супругу к вам приведу? Заодно и забор почию. А там, глядишь, и машиной вашей займёмся!

– Приводи, Феденька, приводи, – закивала знахарка, – отчего ж не привести. Помогу, чем смогу, а сейчас мне прибраться бы...

– Да-да, Полина Федосеевна, – спохватился прапорщик, – уже ухожу! – Он закончил одеваться и, на ходу застегивая шинель, заторопился к выходу. – До свидания! До вечера!

– До вечера, Феденька, – ответила старуха, затворяя за ним дверь.

С минуту старая знахарка стояла неподвижно. То, что Фёдор уже не придёт, она знала наверняка. Зло вцепилось в него намертво, и вырвать человека из его когтей ей не под силу. К вечеру Фёдор успокоится, а завтра утром его жена проснётся в пустой постели и не найдёт мужа нигде. Да только недолго ей горевать придётся. Через день-другой и сама она уйдёт в лес, и дети уйдут... И не помешать этому никак. Эх, вот если бы Федька пришёл к ней раньше, когда у него на животе ещё не было нечистого знака! Тогда она смогла бы. А теперь уже поздно.

Полина Федосеевна сокрушённо покачала головой. «Надо что-то делать, необходимо найти лекарство против этой зловещей заразы. Наверняка можно приготовить отвар, который сможет отвадить жёлтую нечисть. Нужные травы собрать надобно. И травы такие есть, и она даже знает, где именно. В тайгу надо идти за ними. В тайгу, на болото, что за ельником, где Петрович нашёл свой камень. Точно. Именно туда. В тайгу. Там искать, и как можно скорее, это очень важно. Скорее в тайгу! В тайгу?!»

Старая знахарка вздрогнула от своих мыслей. Мгновение она прислушивалась к чему-то и принялась быстро расстёгивать на себе телогрейку. Торопливо распахнув её полы, Полина Федосеевна обнажила живот под целым ворохом кофт и блузок, после чего схватила с полки старый затёртый фонарь и осветила кожу. Луч фонаря, пробиваясь сквозь мутное исцарапанное стекло, растёкся по телу, освещая жидкую россыпь маленьких жёлтых точек. Пару секунд старуха разглядывала сыпь, после чего выключила фонарь и неторопливо, аккуратно привела себя в порядок. Затем она открыла входную дверь и вышла из полумрака избы на залитое солнцем крыльцо, жмурясь от яркого света.

– Валера! – позвала она внука. – Поди сюда, хозяин!

Мальчуган уже очистил от снега развалившийся «газик» и теперь лежал где-то под ним, ковыряясь в механическом чреве, похожем на ржавый металлический лом. Услышав голос Полины Федосеевны, мальчонка нехотя вылез из-под машины.

– Что стряслось? – степенно ответствовал он, подходя к бабке.

– Дай-ка я тебя посмотрю! – Знахарка быстро расстёгивала на нём одежду. – Не захворал ли?

– Бабушка, ты меня каждый день смотришь! – вздохнул мальчуган. – И сегодня уже смотрела!

– Ничего, Валера, хуже не будет. – Она придирчиво разглядывала его живот, – бабушка знает, что говорит.

– Холодно, – пожаловался мальчишка.

– Сейчас согреешься, милоч, – Полина Федосеевна потащила внука в дом, – застёгивайся покуда, а я тебе отвара налью целебного!

Пока Валера деловито застёгивал и заправлял одежды, знахарка отошла к столу и вернулась с бутылочкой своего нового отвара. Внук был ещё чист, злобная нечисть не успела заразить мальчонку, и старуха твёрдо решила, что не позволит этому случиться.

– На-ка, внучок, сделай девять глоточков! – Она протянула ему бутылку. – Будет горчить немного, зато поможет против хворей разных! Что это у тебя? – Полина Федосеевна посмотрела на зажатую в руке внука железку.

– Это болт! – важно ответил мальчуган. – Я его из дома специально привёз! Подвеску на дедовской машине буду чинить! А то его болты все проржавели!

– Дай-ка я его подержу, – старуха вытащила у него из руки болт, заменив железяку на бутылку с варевом, – а ты пока пей.

Пока мальчишка терпеливо глотал горькую смесь, знахарка зажала болт в ладонях, поднесла их к губам и закрыла глаза. Мерно покачиваясь из стороны в сторону, она зашептала скороговорку заговора, и непонятные слова давно забытого старославянского языка тихо завибрировали в полумраке старой избы. Закончив, она подошла к котлу, обмакнула в него болт и вернулась к внуку.

– Слушай меня внимательно, Валера, – она склонилась над мальчишкой, – прямо сейчас ступай в город, к Катерине.

– В Ухту?! – удивился внук. – Это же очень далеко! Я и за день не дойду! А то как ночью замерзну?

– Дойдёшь, – твердо сказала знахарка, – вот, держи, – она вложила ему в руку болт, – он тебе поможет, с ним ни холод, ни зверь дикий не страшен. Иди и не останавливайся. Катерине скажешь, чтобы ко мне больше не приезжала, хворь у нас тут сильная и очень заразная. От неё и бычок наш убежал, и Джина занедужила, и участковый сгинул. Нельзя сюда приезжать никому, покуда я сама не разрешу.

– А может, я лучше домой пойду? В Том? – спросил внук. – Надо же мамку с батей предупредить! А то не ровен час заразу подхватят!

– Нет, иди сразу в Ухту, – велела знахарка, – в Поромес дядя Федя поехал уже. Они из воинской части на грузовиках едут, всех оттуда заберут. Ты к ним не успеешь.

– А чего он сразу меня с собой не взял? – обиделся мальчуган. – Теперь мне пешком по тайге до Ухты топать!

– Он тебя не нашёл, ты же под машиной схоронился! – укоризненно нахмурилась знахарка. – Сам виноват. А дядя Федя ждать не мог, он человек военный, там дисциплина сам знаешь какая! Приказано явиться в часть вовремя, значит, надо быть как штык!

– Мог и покричать меня, – недовольно проворчал Валера, – не велик труд! Я знаю, это он специально сделал, потому что я его Семёну в прошлом месяце фонарь под глаз поставил!

– Так это был ты, паразит эдакий? – упёрла руки в боки Полина Федосеевна. – Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон! Поздно уже разбираться, дело сделано. Теперь вот потопаешь до Ухты пешком! – Она тщательно осмотрела внука, убеждаясь, что его одежда застёгнута и заправлена. – Ты вот что, Валера, иди по дороге зимней, как с дедом и папкой в Ухту ездили. От попутков прячься, нельзя тебе к ним садиться, не ровен час, хворые люди попадутся! И не ешь ничего, даже снег, потерпи. Катерина накормит, она тебя из всех племянников выделяет. Понял?

– Понял, – деловито подтвердил мальчишка, – а меня точно зверье не тронет? Батя не разрешает мне одному в тайгу ходить.

– Не тронет, – уверенно ответила знахарка, – ты болт этот береги. В нём сила Сварога, он тебе оберегом будет.

– Батя говорит, что всё это предрассудки, – заявил внук, – а мама сказала, что меня крестить надо!

– Слушай их больше! – снисходительно улыбнулась Полина Федосеевна. – Много они понимают!

Старая знахарка проводила внука до калитки и отперла дверь. Выйдя со двора, Валерка обернулся и спросил:

– Бабушка, а когда мне можно будет вернуться? – Он потряс рукой, одетой в варежку, внутри которой крепко сжимал заговорённый болт. – Надо дедову машину доделать!

– Скоро, Валера, скоро, – добродушно улыбнулась Полина Федосеевна, – вот хворь пройдёт в наших краях, так и вернёшься. А машина никуда не денется, тут она и будет стоять, тебя дожидаться. Дед же сказал, что как помрёт, так машина тебе достанется. Как же я могу мужа послушаться? Так что не волнуйся, милочек, иди к Катерине, а я уж машину сберегу тебе.

Мальчишка степенно помахал бабке рукой и затопал по тропинке к окраине деревни. Старая женщина ещё долго смотрела ему вслед. Мальчуган давно уже скрылся из виду, но губы её всё ещё шевелились, беззвучно шепча молитву на давно забытом языке.

1

Северный Кавказ РФ, 3 декабря 2008 года, 13 часов 7 минут.

Пара вертолётов ещё не успела коснуться колёсами земли, лишь местами покрытой ноздреватым снегом, как началась высадка. Два десятка хорошо вооружённых бойцов в масках, оставляющих открытыми только глаза,

выпрыгивали из вертушек, не дожидаясь остановки двигателей. Пригибаясь под вращающимися лопастями, терзавшими ураганными порывами пожухлую траву ставшего посадочной площадкой луга, прибывшие споро извлекали из чрева вертолётов снаряжение. Вытащив несколько туго набитых парашютных сумок и пару тяжёлых ящиков, они бегом направились к ожидавшему их автобусу. Его водитель заранее завёл двигателя и сразу тронулся с места, едва бойцы, тащившие поклажу, оказались внутри. Крайняя пятёрка прибывших запрыгивала в салон уже на ходу, и по уверенности и отшлифованной точности их движений было видно, что подобный вариант погрузки для них не нов. Стоящий впереди автобуса БТР сопровождения взревел и сорвался с места, догоняя идущий в голове колонны милицейский «уазик» с мигалкой.

– Через пять минут будем на месте! – с лёгким кавказским акцентом объявил стоящий рядом с водителем смуглый здоровяк в камуфляже, не тратя лишнего времени на бестолковые приветствия.

Он окинул взглядом занявших сиденья бойцов, убеждаясь, что всё в порядке, и крепче ухватился за поручни. Колонна набирала скорость, стремясь не упустить ни секунды драгоценного времени.

– Наш комбат ознакомит вас с ситуацией, – продолжил он, пригибаясь, чтобы избежать столкновения с потолком, когда мчащийся по просёлочной дороге автобус подпрыгнул на невидимом под снегом камне. – Мы собрали первичную информацию, насколько позволило время.

Иван поправил лежащий на коленях 9А-91 и посмотрел поверх плеча говорящего в лобовое стекло автобуса. До приближающегося посёлка оставалось метров триста. Там, в одном из стоящих на окраине домов, засели террористы, захватив в заложники нескольких человек.

– Это остатки бандформирования, разгромленного нами два дня назад, – кавказец, словно проследив взгляд Ивана, оглянулся на посёлок, – полгода за ними охотились и накрыли их в горах в сорока километрах отсюда. Восемь уничтожили, шестерым удалось уйти. Там недалеко есть небольшое село, мы ожидали, что остатки банды отойдут туда. Ночь засаду держали, наутро пошли по следам. – Он злобно скривился. – Совсем немного не успели, эти твари сюда вышли. Наверное, среди них есть кто-то местный. Под утро они поняли, что уйти не смогут, зашли в посёлок, ворвались в дом, убили старика, детей и женщин, взяли в заложники. – Здоровяк скрипнул зубами от ярости. – Трусливые шакалы,

обвязали детей тротилом! Мы подключили местный ОМОН и обложили их со всех сторон. Не уйдут.

Колонна вошла в посёлок и начала сбавлять ход.

– Автобус останови за каким-нибудь забором, поближе к месту событий, – скомандовал водителю полковник Федотов, – но так, чтобы террористы не видели нашего появления. Не будем беспокоить их раньше времени.

Тот кивнул и спустя минуту затормозил у высокой кирпичной стены.

– Их дом сразу за углом, – указал он, – метров пятьдесят отсюда.

– В самый раз, – оценил Федотов и, обернувшись к своим бойцам, коротко бросил: – К машине!

Бойцы быстро покинули автобус. Снаружи их уже ждали представители ОМОНа и местного спецназа. Пока полковник уточнял обстановку, Иван оценивающе осмотрелся. Омоновцы подошли к делу серьезно. Все подходы к захваченному дому перекрыли, на перекрёстках стояли БТРы, держа окна под прицелами крупнокалиберных пулемётов, за каждым укрытием засели автоматчики, жители близлежащих домов уже были эвакуированы.

– Салам алейкум, «Альфа». – Чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо. Иван обернулся.

– Салам, Иса! – улыбнулся он высокому человеку в камуфляже, порванные уши и мощное телосложение которого безошибочно выдавали в нём борца-тяжеловеса. – Рад видеть тебя невредимым. Как семья, сын как? Уже борется?

– Я тоже рад тебя видеть, капитан, – сверкнул снежно-белыми зубами Иса, – хвала Аллаху, с тех пор, как ты вытащил меня из тех развалин под Шали, у меня всё в порядке. А Шамиль уже перворазрядник!

– В отца пошёл, – по-дружески прищурился Иван, – ещё один лось вымахает!

– На все воля Аллаха! – снова улыбнулся Иса. – Я знал, что увижу тебя здесь. – Он кивнул в сторону захваченного дома: – За этими шакалами приехали?

– Да, – коротко кивнул Иван, – что там?

– Шестеро, вооружены до зубов, – Иса скривился, – полно тротила. В дом ворвались утром, все мужчины в отъезде. Старика зарезали, женщин и детей согнали в комнату на женской половине дома, все заминировали, на самых маленьких нацепили что-то вроде «поясов шахида». Потому вас и вызвали. Требуют наркоты, денег, джип и гарантии. Иногда стреляют из окон. Переговоры ведут по мобильному.

Словно в подтверждение его слов из-за угла донёлся звук автоматной очереди, сопровождающийся полубезумным воплем.

– Слышал? – прорычал Иса. – Кричит «Аллах акбар»! Но стреляет из-за женской спины. Подводит к окну кого-нибудь из женщин, прячется за ней и стреляет. Я этому «правоверному» голыми руками горло разорву, если до него доберусь!

– Когда, – поправил его Иван, – когда доберусь. Никаких если... – В этот момент полковник Федотов подал короткую команду, объявляя сбор, Иван кивнул Исе: – Ещё поговорим, – и направился к своему подразделению.

Пока Федотов, представившись переговорщиком от властей, обсуждал с бандитами размеры выкупа, сроки доставки денег и транспорта, альфовцы провели рекогносцировку на местности. Действовали осторожно, соблюдая радиомолчание, чтобы не выдать террористам факт своего появления. Спустя час было собрано совещание, и полковник огласил план действий.

– Договариваться они не собираются, – покачал головой Федотов, – просто издеваются над нами. Похоже, их командир под сильным кайфом, постоянно невпопад смеётся и каждые десять минут меняет требования. Список растёт, время на исполнение сокращается. Теперь он дал нам пятнадцать минут на то, чтобы доставить ему джип и десять миллионов долларов. Потом взорвёт первую заложницу. – Полковник поморщился. – Причём он прекрасно понимает, что несёт бред, и это веселит его ещё больше. Мужики из местного райотдела ФСБ говорят, что бандиты эти тут хорошо известны. Крови на них по горло, и сдаваться они не будут, какие бы требования ни выдвигали. Это уловка,

рассчитывают получить транспорт и с заложниками пойти на прорыв. Никого они не отпустят. Поэтому будем штурмовать.

Он принялся водить карандашом по расстеленному на капоте милицейского «уазика» плану поселка:

– Вот эта и вот эта броня прикроет огнём штурмовую группу майора Одинцова. Забор вокруг дома сплошной, высота четыре метра, так что заходить придётся через ворота, их створы выдавим броней, под её же прикрытием группа дойдёт до входных дверей. Далее накладным зарядом вскрываем двери и заходим внутрь. Заложники находятся на женской половине дома, на втором этаже, в какой-то из этих комнат. – Федотов отметил крестиками нужные помещения. – Их окна выходят сюда и сюда. Потому параллельно группа капитана Берёзова будет высажена с вертолётa на крышу. Вот здесь есть люк. – Полковник посмотрел на Ивана: – Он наверняка заминирован, так что работать предельно аккуратно.

– Вертушку за версту слышно, – нахмурился Иван, – незаметно не высадимся.

– Это так, – кивнул полковник, – но другого выхода нет. Зайдёте на дом свысока, чтобы из окон не достали. Как только войдёте в дом, работать придётся быстро. Светозвуковые гранаты не жалеть, газ применять по обстановке. Вся надежда на вас да на состояние наркотического опьянения, в котором находятся бандиты. Они требуют наркоту и, похоже, тут же её и употребляют. Полчаса назад, выполняя их требования, мы передали им с десятков доз. Омоновцы помогли, покопались на складе вещдоков. С тех пор бандиты повеселели ещё сильнее.

– Рискованно, – произнёс Одинцов, – могут под кайфом случайно кнопку нажать.

– Могут, – согласился Федотов, – но без наркоты нажмут стопроцентно, а так есть возможность, что они прошляпят начало штурма. Потому ответственность за это решение беру на себя. Далее. Андрей Петрович, твои ребята держат окна, – карандаш замельтешил по плану дома, – эти, эти, вот это, ещё вот это окно с дальней стороны дома и вход. Справитесь?

– По два на ствол, – хмыкнул командир группы снайперов, – не самый простой вариант, но справимся.

– Я согласовал с местным спецназом начало операции, они нам помогут, – продолжил Федотов, – а именно: перед самым штурмом демонстративно снимут своих снайперов с позиций, якобы пойдя на уступки бандитам, и организуют активность с разных сторон дома. Попробуем привлечь внимание террористов. Пусть полезут смотреть в окна. Если они там все под кайфом, то есть шанс, что сделают ошибку и подставятся под твои пули, Андрей Петрович. Если повезёт снять двоих, их останется четверо. По наблюдениям выходит, что трое держат вход, так что с заложниками останется один террорист. К тому же средства взрывания у них самодельные, скорее всего, собрали наскоро уже после захвата дома из того, что было под рукой. Если сработаем быстро, то шанс на успех есть.

Полковник обвёл бойцов взглядом.

– Вопросы и предложения будут? – задал он вопрос согласно незыблемой традиции.

– Разрешите, Павел Степанович? – Иван задумчиво смотрел на план. – Есть одна мысль.

– Выкладывай, – кивнул Федотов.

– Всё-таки вертушка – это очень громко, – произнёс Берёзов, – я бы пошёл с дальней стороны дома, через забор. Вот через это окно, – он указал на план захваченного здания, – из него один из этих уродов регулярно постреливает.

– Высота забора четыре метра, – полковник отрицательно покачал головой, – сам забор хорошо просматривается из окон. Быстро и незаметно его не преодолеть. Если вас засекут, пока будете лезть, окажетесь как на ладони. Перестреляют, как в тире.

– И всё же я предлагаю идти тут, – настойчиво повторил Иван, – забор преодолеваем при помощи шестов, это три с половиной секунды. Пойдем вдвоём, я и Семёнов. Остальные толкают шесты и остаются под забором, в мёртвой зоне окон. Дальше идём по водосточной трубе до крыши, по ней – до уровня окна, там крепим подвесное и с крыши проникаем в окно, что облюбовал тот уродец. Оно распахнуто настежь, это упрощает вход. Перед проникновением в окно первая группа имитирует штурм, отвлекая противника, но тут же

отходит, чтобы не спровоцировать подрыв зарядов. Если в окне появится террорист, по нему отрабатывает снайпер. Таким образом, мы можем войти в дом внезапно и в непосредственной близости от заложников.

- Согласен, это вариант, - оценил Федотов, - но забор под наблюдением. А пересекать его надо скрытно. Что ты задумал?

- Возьму помощь друга, - коротко усмехнулся Иван, - он по таким сюрпризам большой спец. - Берёзов обернулся к стоящей в десятке метров группе местных спецназовцев и махнул рукой рослому мощному бойцу.

- Иса! - негромко позвал он. - Подойди сюда. Дело есть.

* * *

За блокирующим перекрёсток кордоном, где-то в глубине улицы, гулко ухнул взрыв, дробно застучала длинная автоматная очередь, и тишина замершего посёлка взорвалась грохотом стрельбы. Смуглый бородатый человек в расстёгнутой зимней куртке, надетой поверх грязного камуфляжа, отложил самокрутку с дурью и встал со стула. Он схватил лежащий на столе автомат, скользнул к окну и, стараясь держаться в стороне от оконного проёма, осторожно посмотрел на улицу, едва раздвинув закрытые жалюзи. В дверях позади него появился второй бородач с автоматом на груди, сжимающий в руке мобильный телефон.

- Что там, Муса? - по-арабски спросил человек с телефоном.

- Не вижу, - ответил стоящий у окна, - это за углом. Что-то взорвали, чёрный дым валит клубами! Надо из другого окна смотреть!

Человек с телефоном, скривившись, выругался на пуштунском и злобно сплюнул.

- Так посмотри из другого окна, болван! - прорычал он на арабском.

Наблюдатель не рискнул препираться, молча поднырнул под окном и заторопился в соседнюю комнату. В этот момент на улице раздался визг покрышек и надрывный вой автомобильного движка. Бородачи в два прыжка

оказались по обе стороны от оконного проёма и, стараясь оставаться незаметными для засевших снаружи ооновских снайперов, выглянули в окно.

На идущей вдоль дома улице гремела беспорядочная стрельба. Старый истрепанный «БМВ», со свежими пулевыми отверстиями на багажнике и заднем стекле, с ходу врезался в стык двух машин, перегораживающих проезд, разметав их по сторонам, и, с трудом выйдя из заноса, выскочил на дорогу. Вслед за ним на улицу вылетел на полном ходу ооновский БТР, поливая беглеца огнём, но раздолбанный «БМВ» умело петлял, уходя от милицейских пуль.

– А-а-а, проклятые шакалы! – зарычал тот, что с телефоном. – Кто-то хорошенько наступил им на хвост! Ильяс! Что там у вас?

– Неверные гонят какую-то тачку, эмир! – подрагивающим от наркотической эйфории голосом ответили ему из другой комнаты. – Может, долбанём по свиньям, прикроем неизвестного брата?

– Почему не помочь хорошим людям! – осклабился тот, кого назвали эмиром.

Он спрятал телефон в карман и выскочил из комнаты, на бегу снимая с груди автомат. Соседнее помещение, ещё утром просторное и светлое, превратилось в огневую точку. На середину комнаты стащили всю мебель, что оказалась под рукой, образовав баррикаду, за которой засели двое моджахедов с пулемётом. Распахнутые окна комнаты выходили во двор дома точно на входные ворота, закрывающие их шторы из густого тюля были задёрнуты. В результате находящийся за баррикадой в глубине помещения пулемётчик мог просматривать улицу, оставаясь в полумраке комнаты незаметным для взгляда снаружи.

Тем временем уходящая от преследования машина поравнялась с домом, и пулемётчик открыл огонь. Дав пару очередей по БТР, он перенёс огонь вдоль дороги, стараясь накрыть засевших за углами домов ооновцев, перекрывавших следующий перекрёсток. Те немедленно попрятались за укрытия.

– Давайте, расползайтесь, тараканы! – пьяно ухмыльнулся пулемётчик, продолжая стрельбу.

Его напарник опёрся на баррикаду и дал длинную очередь из автомата по проносящемуся мимо окон БТР.

- Гранатомёт бы, - разочарованно заявил он.

В этот момент старая «БМВ» резко вильнула в сторону, потеряв управление, и врезалась в столб. БТР попытался взять её на таран, но не рассчитал скорости и промчался мимо. Дверь легковушки открылась, и из неё на асфальт неуклюже вывалился человек в гражданской одежде с автоматом в руках. Подволакивая ногу, он подполз к заднему колесу и изготовился к стрельбе. Его автомат тут же огрызнулся парой коротких очередей, не позволяя засевшим на противоположной стороне улицы омоновцам покинуть укрытия.

- Ползи сюда, пока БТР разворачиваться будет! - риторически посоветовал ему автоматчик. - Улица узкая, может, и успеешь.

- Не знает он про нас, - оценил эмир, - или ногу зацепило сильно. - Бородач вглядывался в спину замершего за машиной человека.

- Менты возвращаются, - сообщил пулемётчик.

Омоновский БТР не стал разворачиваться. Вместо этого он медленно приближался к разбитой машине задним ходом, развернув назад пулемётную башню. Метрах в двадцати от лежащего к нему боком человека он остановился, и на улице зазвучал усиленный мегафоном голос, предлагающий раненому сдаться.

- Сейчас брать будут его, - зашёл в комнату Муса, - вон там, за двумя БТР, группа захвата кучкуется, - он показал пальцем вдаль, - бронешит притащили.

Однако раненый водитель «БМВ» сдаваться не собирался. Видимо, он тоже заметил людей в тяжёлых бронекомплектах, прячущихся за прозрачным пуленепробиваемым щитом. Лежащий изменил прицел и открыл огонь.

- Не вижу отсюда, куда он попадает, - разочарованно протянул Муса, сощурившись.

– А ты ещё покури, тогда увидишь! – хохотнул эмир и кивнул пулемётчику: – Сейчас проверим, какой непробиваемый у них щит!

С полминуты все трое увлечённо посыпали короткими очередями БТРы, за которыми пряталась группа захвата.

– Может, возьмём его с собой? – предложил пулемётчик. – Вытолкаем одну из этих сучек и обменяем, а, эмир?

– Зачем нам раненый? – отмахнулся тот. – Лишняя обуза. Раз уйти не смог, значит, дурак и сам виноват. А за храбрость ему Аллах воздаст по заслугам на небесах.

Видимо, менты поняли, что взять храбреца живым им не удастся. Спаренный пулемёт омовского БТР коротко брызнул огнём, лежащий за машиной человек дёрнулся, выронил автомат и затих.

– Шахид, волею Аллаха! – прокомментировал эмир и повысил голос: – Саид! Кто это был?

– Я его не знаю, эмир! – донёсся из глубины дома молодой голос. – Он не из нашего посёлка!

Эмир на несколько секунд задумался, после чего с подозрением посмотрел на неподвижно лежащее возле разбитой машины тело и неторопливо вскинул автомат, собираясь прострелить труп. Позади него, у ног пулемётчика, раздался глухой звук, словно на пол упало что-то небольшое и увесистое, вроде банки пива. Кто-то визгливо выругался, и эмир резко развернулся. Обжигающая глаза яркая вспышка, сопровождаемая разрывающим барабанные перепонки грохотом, в одно мгновение швырнула его на пол. Эмир рухнул на пол и взвыл от нестерпимой боли, сжимая руками уши и изо всех сил жмуря глаза. Он полез в карман за телефоном, но тут же затих, пригвождённый к полу ударом свинца.

Капитан Берёзов молниеносным броском сменил позицию и, не отрывая глаз от прицела, обвёл взглядом помещение.

– Чисто! – коротко бросил он в гарнитуру рации.

В комнату скользнул Семёнов и быстро проверил лежащих на полу террористов.

– Минус шесть! – подытожил он.

– Заходим! – скомандовал Одинцов, и БТР с его группой на броне рванулся к запертым воротам.

– Взрывотехники, к дому! – прозвучал в эфире голос Федотова. – «Скорую» и «пожарную» – к воротам! Оцепление не снимать, родственников не пускать!

Полковник продолжал раздавать команды, и Иван посмотрел в окно, на лежащего около машины человека.

– Иса, вставай, хватит валяться! – произнёс капитан в эфир. – Обед проспидишь.

– Обед – это святое. – «Труп» возле разбитого «БМВ» поднялся на ноги и неторопливо отряхнулся. – Что с заложниками?

Берёзов улыбнулся. Иса отработал как заправский каскадёр, четко реализовав по секундам расписанный сценарий. В двух кварталах подожгли кучу старых покрышек, подорвали имитатор взрыва для большего шума, и в небо повалил густой чёрный дым. Чуть ли не половина омонцовцев открыла стрельбу, нагнетая нужную атмосферу, и Иса утопил в пол педаль газа. Замысел удался, находящиеся под действием наркотиков бандиты увлеклись спектаклем, потеряв бдительность, и несколько десятков секунд о задней стороне дома никто не вспоминал. К тому времени, когда машина Исы врезалась в столб, Иван с Семёновым уже были на крыше. Забор преодолели чисто, спустя ещё двадцать секунд они уже висели на канатах прямо над раскрытым окном. Проникнуть в открытое окно было делом считанных мгновений.

Первого террориста обнаружили в коридоре прямо за дверьми комнаты с окном. Видимо, он что-то услышал и возвращался на свой пост. Короткая очередь оснащённого глушителем 9А-91 застала его врасплох. Бандит умер раньше, чем подкосились его ноги, но шума своим падением не произвёл: Семёнов подхватил безвольно падающее тело прежде, чем оно коснулось пола. Минус один. Второго нашли у комнаты с заложниками, с автоматом в одной руке и мобильным телефоном в другой. Но нажать на кнопку вызова он так и не успел, бесшумная очередь разнесла террористу голову. Он так и не понял, от чего умер. Минус два.

К счастью, заложников по всему дому искать не пришлось, все они оказались запертыми в одной комнате, что серьёзно упростило задачу. Три женщины и пятеро детей, обвешанные тротилом, сидели с заткнутыми ртами привязанные к стульям. Взрывателями живым бомбам служили мобильные телефоны, вот почему стороживший их бандит держал в руке мобильник. Возиться с разминированием не было времени, поэтому с бомб сорвали телефоны вместе с детонаторами и двинулись дальше. Оставшиеся террористы, клюнувшие на уловку Исы, собравшись вместе, увлечённо долбили из всех стволов в окно, бестолково тратя патроны на броню БТРов. Подрыв светозвуковой гранаты и последовавшие за ним автоматные очереди стали в их грязной жизни полной и последней неожиданностью. Минус шесть.

– Все целы, – ответил Иван, меняя магазин. Снаружи БТР штурмовой группы уже выдавливал ворота.

– Где-то здесь ещё один, – тихо произнёс Семёнов, держа под прицелом противоположный вход в комнату, – в глубине дома.

Берёзов воспроизвёл в памяти план строения. В помещение к заложникам, помимо этого, вел ещё один коридор. А эта сволочь сейчас может быть где угодно.

– Оставайся здесь, – ответил Иван, – я к заложникам.

Он быстро выскользнул из усеянной трупами комнаты. Капитан успел вовремя. Он был уже перед дверью в их комнату, когда из-за угла выскочил щуплый парень лет двадцати, с жиденькой бородкой, в грязном камуфляже с небольшим рюкзаком за спиной и автоматом в руках. Увидев Берёзова, бандит вздрогнул, как от электрического удара, и рванулся назад.

– Стоять! Бросай оружие! – рявкнул капитан, вскидывая автомат, но молодой моджахед уже скрылся за углом.

Иван приблизился к дверному проёму, в котором исчез бандит, и быстрым взмахом оружия создал видимость проникновения. Тут же в ответ загрохотала длинная автоматная очередь. Видимо, нервы у террориста были на пределе, и он в ужасе выстрелил в первую же тень. Капитан потянул из разгрузки

светозвуковую гранату, но замер. За стеной раздался грохот падающего на пол оружия и топот ног убегающего человека. Берёзов стремительным броском оказался в комнате. Автомат террориста валялся на полу посреди помещения, рядом лежал пустой магазин. Шаги моджахеда ещё звучали из соседнего помещения. Иван прошёл за ним через два зала и остановился. Соседняя комната выходила в коридор, из которого можно было уйти сразу в три стороны. Преследовать бандита дальше не стоило, в первую очередь надо отрезать его от заложников, вывести людей из дома и уже потом зачистить здание. Берёзов занял позицию, с которой дверь в коридор простреливалась наиболее удобно, и замер.

- Мы внутри, - раздался в эфире голос Одинцова, - приступаем к эвакуации заложников. «Туман», - назвал он позывной Берёзова, - что у тебя?

- Один где-то в доме, - ответил Иван, - я заблокировал ему выходы к заложникам и на первый этаж. Может выйти или на вас, или на меня.

- Принял тебя, - подтвердил Одинцов.

В следующую секунду молодой моджахед стремительно ворвался в комнату. Рефлекс сработал раньше, чем мозг осознал происходящее, и автомат изрыгнул очередь, вспарывая бандиту грудную клетку в области сердца. Мёртвый противник по инерции добежал до противоположной стены, врезался в неё и упал. Берёзов осторожно приблизился к неестественно лежащему телу, прогнувшемуся на рюкзаке.

- Минус семь, - доложил он в эфир.

- Принято, - ответил полковник Федоров, - заложники на улице. «Туман», выходи.

Иван развернулся и краем глаза заметил лежащий возле мёртвого моджахеда мобильный телефон. Дисплей показывал снятую трубку исходящего звонка. Внезапно он понял, что носил в рюкзаке убитый бандит. Капитан метнулся к выходу, и в этот момент оглушительный хлопок за спиной погрузил всё вокруг в темноту.

– Ну-с, больше держать вас в больничной палате не имеет смысла, – немолодой военврач разглядывал данные ядерно-магнитной резонансной томографии и распечатки энцефалограмм, – завтра я вас выписываю.

– Давно пора, – буркнул Иван, – сегодня ровно месяц, как я здесь.

На самом деле врачи могли бы выпустить его ещё неделю назад, перед Новым годом, но острый приступ боли, очень не вовремя случившийся с Берёзовым в тот день, приговорил его к встрече праздника в больничной палате. А потом пришлось ещё два дня ждать, пока у лечащего врача дойдут до него руки. Или ноги. Впрочем, Иван отнёсся к этому с пониманием, всё-таки новогодние праздники. Медики тоже живые люди, у них есть семьи, дети и наряженные ёлки... А ему спешить некуда, семьёй обзавестись пока не случилось, ребёнком он был поздним, родители давно умерли, старшая сестра уже нянчит внуков, у неё своих хлопот по горло, да и общих интересов у них никогда не было. В конце концов, Новый год в госпитале – это гораздо веселее, чем в каком-нибудь блиндаже или войсковой палатке на Кавказе. Кстати, о блиндажах и палатках. Судя по всему, дело дрянь, из «Альфы» его теперь точно выпрут.

– Это сделано для вашего же блага, – заявил военврач, – чем дольше вы были под моим наблюдением, тем мне спокойнее. – Он строго посмотрел на Берёзова: – И не думайте, что вот так просто всё для вас закончится. Я вас выписываю из госпиталя, и вы прямиком отправляетесь в реабилитационный центр ещё на месяц.

– Вы смерти моей хотите? – догадался Иван. – Я там точно коньки отброшу, от тоски! Не доживу до ВВК!

– Юноша! – укоризненно поглядел на Берёзова военврач. – Вам очень повезло, что вы не отбросили эти самые, как вы выражаетесь, коньки месяц назад. У вас тяжелейшая контузия с обширными гематомами головного мозга! – Он постучал пальцем по одному из снимков, указывая куда-то в затылочную часть капитанских мозгов: – Видите данный участок? Это контузийный центр! Ваш мозг в этом месте получил серьезнейшую травму! Просто чудо, что вы остались живы. Моя бы воля – сидеть вам в реабилитационном центре месяцев шесть!

– Понятно, – вздохнул Иван, – виноват, исправлюсь. Скажите, Роман Алексеевич, что даст реабилитация? Чего мне светит на ВВК? Я вернусь в подразделение? Только честно.

– Что ж, скрывать не буду, – старый военврач несколько поник, – в «Альфе» вам больше не служить. Боюсь, Военно-Врачебная Комиссия не признает вас годным к боевой работе. Восстановление займёт ещё очень много времени. Периодически будут возникать головные боли, скакать давление, возможно головокружение. Вам теперь надо быть очень бережным со своим здоровьем. Не курить...

– Я не курю, – машинально ответил Берёзов.

– Вот и отлично, – оценил доктор, – не пить...

– Да я и так только по праздникам...

– Вообще! – отрезал военврач. – И даже не нюхать пробку! Никаких кроссов, парашютных прыжков, аквалангов, спаррингов и прочего! Полный покой! Ваш мозг должен восстановиться, и со временем вам станет лучше. Хотя и не полностью. Эта травма, – он вновь стукнул по снимку капитанских мозгов, – вызвала повреждения клеток, которые частично необратимы.

– И что же теперь мне делать, – хмуро поинтересовался Иван, – кому я такой нужен? С пробитыми мозгами?

– Ну, не всё так плохо, – успокоил его доктор, – если вы не экстрасенс и не собираетесь читать мысли, то опасаться вам нечего! – весело хохотнул он.

– В смысле? – не понял Берёзов.

– По сути, мозг человека для науки – тайна за семью печатями, – ответил старый военврач, – то, что мы знаем о нём, – лишь крупницы. Например, некоторые считают, что ваша повреждённая часть отвечает за телепатию! – Он вновь заулыбался. – Официальная же научная позиция относит её к так называемым «старым» частям головного мозга, которые не играют кардинальной роли в жизнедеятельности современного человека. Если короче, – доктор разрубил

рукой воздух, – все ваши навыки и умения остались при вас. Вы вполне можете служить, например, инструктором. С вашим опытом, думаю, это вполне реально!

Ещё через пять минут Иван вышел из кабинета лечащего врача и направился в свою палату, собирать вещи. Стоило сделать это заранее, чтобы завтра с утра не терять времени и сразу же выловить всех медицинских бюрократов. Возиться с выписными бумажками капитан не любил.

– У нас таких контуженых инструкторов – пруд пруди, – бурчал он себе под нос, укладывая нехитрый скарб в спортивную сумку, – девать некуда! Мужики, вон, на гражданку, в частную охрану подаются. Да только сейчас с этим кризисом найти работу не так-то просто. Ладно, мы ещё посмотрим, что скажет комиссия...

Берёзов подумал, что месяц в реабилитационном центре не такой уж малый срок. И его можно потратить с пользой для дела. Пешие кроссы, по мере восстановления переходящие в бег, легкие тренировки с плавно возрастающей нагрузкой, свежий воздух, здоровое питание... Боец группы «А» так просто не сдастся. Мы ещё посмотрим, кто кого.

* * *

Однако старый военврач оказался прав. ВВК была неумолима. Несмотря на все усилия Берёзова вернуть себе былую форму, обмануть медицинские приборы оказалось невозможно. С группой «А» пришлось попрощаться. Трое суток Иван в тоске просидел в своём общежитии в ожидании назначения, глядя в вопящий об ужасах мирового экономического кризиса телевизор и ломая голову над тем, что делать дальше. Руководство группы, конечно, не бросит его, обещали посодействовать и уже подыскивают ему место в городском управлении ФСБ. Да и кадровики ободряли, но... Всё это уже не то. Какой из него кабинетный работник? Подготовка-то совсем другая. Скорее всего, придётся переучиваться. Берёзов вздохнул. Начинать с нуля всегда непросто, а в области, которая тебе не по душе, непросто вдвойне. В этот момент на экране телевизора замелькали фигуры в камуфляже, и капитан, потянувшись за пультом, прибавил громкость.

– «...пресс-служба МИДа России объявила персонами нон-грата ещё четырёх европейских дипломатов, – рассказывал диктор, – все они были уличены в шпионаже в пользу других государств. Сфера их интересов распространялась на

одно из научных предприятий РАО „Ареал“, один из сотрудников которого, как выяснилось, был завербован ими ещё в ноябре прошлого года. – На мелькающих позади телеведущего кадрах бойцы спецназа выводили из здания закованных в наручники людей. – Вы видите финальную стадию операции по обезвреживанию преступной группы, являвшейся своеобразной силовой структурой этих дипломатов. Она состояла из лиц, ранее судимых, большая часть которых находится в международном розыске. Схема их действий была проста. Предатель поставлял уголовникам свежую информацию о местах расположения аномалий на территории Зелёной Зоны „Ареала“, бандиты проникали туда, добывали научные артефакты и передавали их иностранцам. Не брезговали они и простым рэккетом по отношению к сталкерам-нелегалам. По самым скромным подсчётам, за время функционирования этого преступного сообщества бандитам удалось украсть не менее десятка артефактов, общая финансовая стоимость которых суммарно составила цифру порядка двух миллионов рублей. Научная же ценность похищенного не поддаётся исчислению в цифрах.

К счастью, благодаря чётким и профессиональным действиям отдела промышленной контрразведки службы безопасности РАО «Ареал», данный преступный синдикат удалось обнаружить и обезвредить. При задержании бандиты оказали сопротивление, и бойцам отдела физической защиты СБ «Ареала» пришлось применить оружие, в результате чего двое преступников были уничтожены, остальные сдались. На данный момент представители службы безопасности «Ареала» не предоставили нам подробностей этого дела, включая государственную принадлежность высланных из страны дипломатов. Это обусловлено тем, что расследование ещё не закончено, и контрразведчики «Ареала» не исключают, что в деле могут появиться новые аспекты. К сожалению, задержать основного виновника утечки информации, приравненной к государственной тайне, не удалось. В самый последний момент предателю удалось узнать о начавшейся операции силовиков, и он спешно скрылся на территории Жёлтой Зоны, даже не успев надеть снаряжение. Независимые консультанты единодушны во мнении, что шансов выбраться оттуда живым у него практически нет.

Председатель совета директоров ЗАО «Ареал» вице-премьер Лозинский уже сделал заявление, в котором подчеркнул, что «Ареал» является для страны не просто уникальным стратегическим ресурсом, находящимся в зонах влияния опаснейших аномалий, но в первую очередь, это беспрецедентная база для развития науки, и Россия сделает всё, чтобы не допустить даже малейшего саботажа со стороны тех, кто прямо или косвенно заинтересован в ослаблении нашей страны. Как известно, в своем регулярном обращении к депутатам

Государственной Думы Президент России назвал РАО «Ареал» одним из приоритетных проектов государства, особенно в свете распространения мирового финансового кризиса. Международные эксперты проявляют редкое единодушие, прямо отмечая, что на месте России любое государство в условиях пошатнувшейся мировой экономики сосредоточилось бы на этом направлении. Напомню, что на фоне общего падения мировых котировок и цен на углеводородные энергоносители цена на добываемую из скважин «Ареала» нефть, получившую у специалистов название «Тип X», остаётся неизменной. Котировки акций РАО «Ареал» также показывают завидную стабильность. В связи с успехом сегодняшнего уничтожения ещё одного канала утечки артефактов с территории «Ареала» можно ожидать дальнейшего роста...»

Лежащий на столе мобильник разразился громкой трелью и принялся ползать по гладкой поверхности под действием вибровызова. Берёзов выключил звук телевизора и подхватил сердито жужжащую трубку.

– Алло, – произнёс он.

– Капитан Берёзов? – уточнил собеседник.

– Да, – подтвердил Иван, – я вас слушаю.

– Полковник Родионов, отдел кадров, – представился звонящий, – Иван Александрович, у меня есть к вам разговор. Не могли бы вы быть у меня, скажем, через два часа? Успеете?

– Так точно, товарищ полковник, – Берёзов бросил взгляд на часы, – успею.

– Тогда до встречи, – сказал кадровик и повесил трубку.

До отдела кадров Иван добрался на сорок минут раньше и потому уселся на один из стоящих в приёмной диванов, заранее приготовившись прождать оставшееся до назначенной встречи время. Он обыскал глазами помещение, надеясь обнаружить забытую кем-нибудь из предыдущих посетителей газету или журнал, чтобы скоротать ожидание. Интуиция не подвела, свёрнутая в трубочку газета нашлась у подлокотника соседнего дивана, и Берёзов принялся читать первую страницу. Как и везде, в найденной газете все основные полосы были посвящены бушующему экономическому кризису. Капитан мысленно

хмыкнул. Здесь, на печатных страницах, кризис чувствовался гораздо острее, нежели в жизни. На самом деле Иван затруднялся определить для самого себя, сказались ли на нём вообще мировые финансовые бедствия. Он усмехнулся. Это чувствуют те, у кого есть финансы. А откуда деньги у бойца спецназа? Зарплата такая, что вслух при девушках лучше не упоминать, не то рискуешь попасть в списки вечных неудачников. Особенно с теперешними-то запросами прекрасного пола...

– Капитан Берёзов, проходите, – в открытых дверях кабинета стоял полковник Родионов, – разговор предстоит недолгий, так что не будем затягивать.

Иван отложил чужую газету и вошёл в кабинет. На столе у кадровика лежало его личное дело, которое стало немного толще с того времени, когда Берёзову доводилось видеть эту папку в прошлый раз. Глаз сразу зацепился за заключение военно-врачебной комиссии, раскрытое в том месте, где шли строки о негодности капитана Берёзова к боевой работе, обусловлённой получением тяжёлой контузии и так далее.

– Итак, Иван Александрович, – кадровик проследил взгляд Берёзова, – не будем ходить вокруг да около. В группе «А» служить вы больше не сможете. Я понимаю, насколько непроста для вас сложившаяся ситуация, но с этим придётся смириться, тут уж ничего не поделать. Однако отправлять вас на кабинетную должность, учитывая ваш послужной список, было бы по меньшей мере неграмотным применением профессионала высокого уровня, сродни стрельбе из пушки по воробьям. Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить. Что вам известно о Российском акционерном обществе «Ареал»?

– То же, что и всем, – пожал плечами Иван. – Крупная государственная контора под нашим шефством расположена в местах падения ухтинского метеорита. «Газпром» там добывает какую-то необыкновенную нефть, Академия наук изучает аномалии, собирает обломки метеорита с уникальными свойствами, делает важные открытия и всё такое. Сегодня видел по телевизору новости, там опять взяли какую-то банду, организованную иностранными дипломатами. Занимались кражей ценных артефактов. – Он посмотрел на кадровика: – Вы хотите отправить меня в их СБ?

– Начальство поручило мне предложить вам место в отделе физической защиты СБ «Ареала», – кивнул полковник, – и от себя хочу добавить, что для вас это наилучшее решение, учитывая сложившуюся ситуацию со здоровьем.

– Охранять учёные кабинеты и раз в полгода участвовать в задержании нескольких уголовников? – невесело улыбнулся Иван. – Если это всё, на что я теперь гожусь, то, вероятно, вы правы, товарищ полковник.

– Ну, всё не совсем так, как вы себе представляете. – Кадровик был серьёзен. – Там, в «Ареале», есть своя, скажем так, специфика. И подчас очень непростая. Вся деятельность РАО проходит под грифом «совершенно секретно», а их приоритетные разработки имеют ещё более высокую степень секретности. Как вам известно, именно продукт «Ваниль», полученный научно-исследовательским центром «Ареала» дал нам в итоге тот сплав, без которого не обходится теперь ни один лист брони, будь то танк или бронезилет. И обстановка вокруг «Ареала» всегда была сложной, а сейчас, из-за кризиса, все стало ещё более напряжённым. Заграничные резидентуры из кожи вон лезут, чтобы любой ценой отхватить хоть малую толику наших государственных секретов, да и всякого криминального отребья там хватает, места-то глухие. Всегда кто-то норовит проникнуть внутрь запретной зоны с оружием в руках, и специалист вашего уровня будет там очень кстати. Кроме того, внутри периметра у службы безопасности забот еще больше.

– А там-то что? – удивился Берёзов. – Общеизвестно, что территория «Ареала» необитаема и непригодна для жизни. Кого там охранять? Усталых нефтяников от кровожадных ученых, пытающих их чрезмерными сдачами анализов?

– Все подробности узнаете на месте, – неожиданно закрыл тему кадровик, – это информация, не подлежащая разглашению. Могу лишь сказать, что, в случае согласия, сразу к работе вас не допустят. Прежде придётся пройти доподготовку, – он многозначительно посмотрел на Ивана, – даже вам, капитан. Решайте.

Берёзов сомневался недолго. Решающими стали слова кадровика о необходимости прохождения дополнительной подготовки. Это как минимум интриговало. Да и какова альтернатива? Личный стол в кабинете, эргономичные подлокотники и ворох бумажной волокиты?

– Я согласен, – ответил Иван, – что мне надо сделать?

– Прибыть за соответствующими документами в строевой отдел в понедельник, – ответил полковник, – и собрать вещи. Во вторник в Ухту идёт наш спецрейс, на

нём и полетите.

На улице шёл противный мокрый снег, больше похожий на дождь. Берёзов вышел из здания отдела кадров и неторопливо пошёл вдоль улицы, щурясь от так и норовящих попасть в глаза влажных снежинок. Торопиться было некуда, но прогулка по такой погоде не вызвала никакого энтузиазма. Заметив неподалёку интернет-кафе, Иван решил провести остаток дня с пользой. В его общежитии Интернета нет, а купить мобильный модем для своего старенького ноутбука у него руки так и не дошли, и Берёзов решил воспользоваться случаем получить больше информации о своём новом месте службы.

В ответ на запрос «ЗАО „Ареал“» поисковая система выдала огромное количество ссылок. В первую секунду Иван даже немного опешил, но времени у него было хоть отбавляй, и капитан принялся разбираться в ворохе полученной информации. Вскоре выяснилось, что данных об «Ареале» одновременно и много, и мало. Официальные источники выдавали то, что и так давно известно. В девяносто первом году у самой планеты неожиданно появился десятикилометровый метеорит, несущийся прямо на Москву. Прежде чем полпланеты успело испугаться, он вошёл в атмосферу и развалился на куски. Считается, что он был полым и состоял из замёрзшего газа. От разогрева его разорвало вдребезги, и получившийся в результате рой обломков выпал на землю в виде метеоритного потока где-то в тайге под Ухтой. Эпицентр падения приблизительно определили как территорию радиусом в тридцать километров, а полный поперечник осыпи составил километров пятьдесят. Одну деревушку даже накрыло целиком, но та каким-то чудом не пострадала. Академия наук направила туда экспедицию, которая благополучно ничего не нашла и вернулась восвояси. Родина поставила армии задачу помочь науке, и местному стройбату досталась честь выкапывать осколки метеоритов. На этом все и закончилось.

К концу года в районе падения начались проблемы: домашние животные убегали в лес, в тайге началась эпидемия бешенства или что-то в этом роде, зверьё нападало на людей, было много жертв, потом стали пропадать люди. Местные власти забились тревогу, но тут СССР развалился, и властям стало не до того. Потом начались новогодние праздники, а после их окончания выяснилось, что целый район, и строительный батальон в том числе, не выходит на связь, не отвечает на запросы и вообще не подает признаков жизни. Отправленная туда комиссия назад не вернулась, как не вернулись и все три последующие. Доложили в Москву. Район объявили зоной экологического бедствия, опасной для жизни, эвакуировали население из близлежащих

посёлков и занялись более насущными проблемами: в стране бесчинствовала приватизация и прочие прелести перехода на рыночные отношения. Чиновникам приходилось в условиях жесткой конкуренции разворовывать страну, и никому не было дела до какого-то там района таёжной глухомани. Потом Россия училась играть в теннис, затем началась война на Северном Кавказе, словом, всё и так ясно.

Фактически всё это время запретным районом никто не занимался. Оказавшиеся в тех местах люди продолжали пропадать, среди местных поползли зловещие байки про встающих из могил покойников, вурдалаков и прочие суеверия, ближайšie к тому жуткому району посёлки быстро обезлюдели. В общем, все стремились избегать гиблого места. Единственным, кого интересовала судьба погибших, был академик Лаврентьев, руководитель той экспедиции, что впервые изучала места падения осколков метеорита. Академия наук, с тех пор переживавшая не лучшие времена, денег на экспедиции больше не выделяла, и Лаврентьев периодически прилетал в Ухту за свой счёт. По сохранившимся данным, он подолгу пропадал в запретном районе, проводя свои собственные исследования. Он первым из официальных учёных обнаружил не только наличие загадочных и необъяснимых с точки зрения современной науки аномалий и мутаций, но и открыл некоторые полезные их свойства. Много лет академик долго и безрезультатно обивал пороги высоких кабинетов, прося средства на изучение опасного района, но так и не смог ничего добиться.

Опомнились лишь в девяносто девятом, когда Лаврентьев разработал некую химическую добавку для металлургии, создавая которую он использовал нечто, найденное им на территории погибшего района. Применение этой добавки позволило академику создать новое поколение боевой брони. Несколько опытных образцов бронежилетов, прошедших испытания чуть ли не в кустарных условиях, силами учеников академика, воспользовавшихся личными связями и возможностями, были переданы в войска. На Северном Кавказе шла вторая война, и ждать отзывов о боевом применении долго не пришлось. Результаты неожиданно превзошли все ожидания. Новый сплав оказался настолько вязким, что надёжно и с лёгкостью удерживал в себе все известные пули, включая бронебойные. Причём помимо вязкости материал отлично поглощал кинетическую энергию, что резко снизило травматическое воздействие запреградного поражения. В кратчайшие сроки новый бронежилет был принят на вооружение и начал поступать в войска и силовые структуры. Академика хватились, но было уже поздно, учёный ушёл в запретную тайгу в свой очередной исследовательский поход, но так и не вернулся. Организованная поисковая экспедиция бесследно пропала в первый же день. После этого

завучали голоса, требовавшие тщательного изучения аномальных территорий.

Однако чиновничий маховик раскручивался медленно. Целый год ушёл на работу комиссий, движение бумаг и согласование документов. К тому времени ученики пропавшего академика Лаврентьева, продолжившие работу с его «Ванилью», оснастили новой бронёй первые танки. Демонстрация возможностей брони нового поколения произвела фурор на международном оружейном салоне в Арабских Эмиратах. Против русских танков оказались бессильны кумулятивные, бронебойно-подкалиберные снаряды, тандемные боевые части ракет и даже боеприпасы с сердечниками из вольфрама и обедненного урана, что делало бронетанковые и противотанковые подразделения других армий, по сути, безобидными. Но если для противодействия таким танкам ещё годилось вооружение очень крупных калибров, то новые бронепластины средств индивидуальной защиты стали фактически непреодолимы для стрелкового оружия.

Иван машинально покачал головой. Да, броники сейчас что надо, пластины на груди и спине дают стопроцентную гарантию. Он вспомнил случай, когда на его глазах в защищённого бронезилетом нового поколения человека попала очередь из крупнокалиберного пулемёта. Тот умер мгновенно. Но когда его осмотрели, оказалось, что ни одна из четырёх пуль, увязнувших в бронепластине, не пробила даже кожу. Человек умер оттого, что не выдержавшие страшного удара рёбра сломались и вошли в сердце. Конечно, теперь есть специальные боеприпасы, но они тоже созданы в ГНИЦ «Ареала»... Он продолжил разбираться в собранной информации.

Новая военная тайна России вызвала в мире живейший интерес. Зашевелились коммерсанты от военного бизнеса и шпионы всех мастей. Вскоре один из американских исследовательских институтов заявил, что секрет российской брони кроется в неизвестной химической добавке явно внеземного происхождения. Последовала серия громких скандалов со шпионажем, разоблачениями резидентов, обмен высланными дипломатами и нотами протеста. Вскоре в районе зловещей тайги местные жители стали замечать неизвестных людей в высококачественном и дорогостоящем снаряжении. Чиновники заторопились, и на свет появились первые регламентирующие документы, определяющие для загадочных территорий статус закрытой зоны. Отныне пересекать отведённые для опасного района границы стало официально запрещено. В Ухте был развёрнут отдельный батальон внутренних войск, чьей задачей стало патрулирование границ запретной зоны и поиск нарушителей.

Вокруг опасного района начали тянуть проволочные заграждения, причём этот процесс немедленно забуксовал, в основном из-за того, что в условиях беспрестанного воровства чиновниками бюджетных денег работать в глухой тайге, заболоченной и часто непроходимой, оказалось не так-то просто. Около года шла вялая возня, а потом произошёл первый Выброс.

До сих пор исследователи так и не смогли ответить на вопрос, что такое Выброс, чем он обуславливается и как его предсказать. Достоверно известно лишь то, что аппаратура наблюдения за данным районом тайги и спутники слежения зафиксировали колоссальный выброс энергии по всей площади падения метеоритного потока. Меньше чем за минуту запретная зона расширилась во все стороны на тысячу сто пятьдесят три метра. Бригады строителей, тянувшие ограждения, перестали выходить на радиосвязь. Больше никто их не видел. С того дня зловещий район больше не просматривается со спутников и из космоса выглядит как большое красное пятно в форме идеально ровной окружности. Журналисты затеяли раздувание шумихи, но не успели разжечь и половину скандала, как произошло следующее событие.

В нескольких десятках километров от поглощенного Выбросом таежного района находились нефтедобывающие станции «Лукойла» и «Газпрома». На ближайшем к запретной зоне нефтепромысле Тэбук, расположенном в посёлке Нижний Одес, один из несущих добывающую вахту специалистов обнаружил неожиданные изменения в структуре поступающей из скважины нефти. Объёмы добычи резко упали, а сама нефть неожиданно изменилась. Ранее густая черная вязкая масса ныне превратилась в легко движущуюся жидкость с минимальной плотностью, напоминающую цветом хорошо выдержанный коньяк, и словно получила на своей поверхности хрустальную плёнку, на которой играют солнечные лучи.

Поначалу это не вызвало искромётных эмоций – подобную по структуре нефть, получившую название Песцовая, довольно давно добывают в районе Тынды. По своим качествам она лучше ухтинской, но само по себе улучшение этих качеств не могло компенсировать столь обвальное падение объёмов добычи.

Нефтяники взяли пробы и провели несколько простейших анализов, результаты которых буквально взорвали сначала научный, а затем и финансовый мир. Это была уже совсем ДРУГАЯ нефть. Получаемое из неё топливо имело невероятную по своим характеристикам энергетическую эффективность. Сжигание всего ста миллилитров бензина, выработанного из этой преобразовавшейся нефти, было эквивалентно сжиганию 10 литров бензина, полученных из обыкновенной нефти. Самолёты, заправленные реактивным топливом, полученным из новой нефти,

имели возможность без дозаправки облететь планету дважды, причём сам процесс перегонки новой нефти был исключительно прост и не требовал больших затрат.

С тех пор опасным районом заинтересовался чуть ли не весь мир. Быстро разнеслась информация о находках на закрытых территориях неких метаморфитов – артефактов с крайне необычными физическими свойствами. Весь мир облетело любительское видео, на котором небольшой осколок лежащего в снегу мутного кристалла заставлял кипеть стоящий на себе стакан воды, а снег при этом под кристаллом не таял. К запретным границам потянулись учёные, резиденты, толпы туристов и авантюристов всех мастей, от новоявленных сталкеров до уголовников-рецидивистов. Ушлые люди пытались делать врезки в нефтепровод, начались нападения на исследовательские научные группы, работающие на границах опасных территорий, мгновенно расцвел чёрный рынок, торгующий всевозможными сувенирами и артефактами, зачастую поддельными. Под крышей таких сувенирных лавок теневые дельцы продавали настоящие метаморфиты частным заинтересованным лицам, как правило заграничным, платящим за товар из аномалий большие деньги. В погоне за лёгкой наживой в запретную местность устремилось множество любителей острых ощущений, не слишком-то чтящих закон. Криминальные круги немедленно принялись делить новый запретный бизнес, и по Ухте прокатилась волна заказных убийств и бандитских разборок.

Вскоре произошло ещё одно событие, вознесшее степень интереса к аномальным территориям практически до небес: знаменитое ралли «Париж – Даккар» уверенно выиграл российский экипаж, управляющий автомобилем «Нива», ранее никак не выделявшимся своими качествами. «Нива» уверенно оставила позади всех своих соперников, пройдя все 1200 км раллийного маршрута на одном топливном баке, ни разу не остановившись для дозаправки. Невероятный фурор произвело заявление представителя конструкторского бюро, готовившего этот автомобиль к гонке. На «Ниву» поставили экспериментальный двигатель, специально разработанный под бензин «Джи-Ти-Экс», получаемый из ареаловской нефти. Размеры нового двигателя уменьшились в несколько раз, его вес облегчился на порядок, а топливный бак имел объём ровно пять литров и к моменту финиша был ещё на четверть полон. Конструкция нового двигателя вызвала небывалый ажиотаж, и в маленькой Ухте быстро стало тесно.

Едва Правительство осознало, какой стратегический ресурс неожиданно, едва ли не в буквальном смысле свалился с неба прямо в руки, началась кипучая деятельность по прекращению его обильной утечки. На всей площади «Ареала» был срочно введён режим чрезвычайной ситуации, и к его границам срочно начали стягивать подразделения госбезопасности внутренних войск, получивших задачу намертво локализовать район. В течение недели все нефтепромыслы, расположенные в районе Ухты и принадлежащие частным компаниям, перешли в собственность государства. Этот процесс, быстро окрещённый злыми языками «добровольно-принудительным», немедленно оброс множеством слухов. И хотя официально никто не выразил значимого протеста, поговаривали, что правительство выкупило нефтепромыслы, мягко говоря, по очень недорогим ценам, в результате «смены собственников» особенно пострадала корпорация «Лукойл».

Вскоре Президент лично объявил о создании Российского акционерного общества «Ареал», задачей которого является исследование аномальной территории. Десять процентов акций «Ареала» выпустили в свободную продажу, остальной пакет принадлежал государству, и государство сразу напомнило всем, кто в доме хозяин. Вся деятельность РАО с момента основания получила гриф «Совершенно Секретно». Территорию «Ареала» объявили запретной зоной, приравненной к стратегическому объекту государственной важности, незаконное пересечение её границ не просто светило пятилетним сроком, охрана получила приказ применять оружие по нарушителям без предупреждения. С целью обеспечения максимально рационального и всеобъемлющего освоения скрытого в «Ареале» потенциала, в состав совета директоров РАО вошли представители Российской Академии наук, «Газпрома», Минсоцздрава, МЧС и ФСБ. Председателем Совета Директоров назначили вице-преьера Лозинского, который бессменно находится на этой должности с 2001 года и до сих пор.

РАО «Ареал» взялось за свою работу решительно и, вопреки многочисленным крикам оппозиции и прочих прозападных марионеток о неизбежности расхищения огромных бюджетных средств, выделенных на реализацию проекта, быстро организовало работу на высочайшем профессиональном уровне. Взаимодействие в одном проекте различных организаций, оцениваемое критиками как «рискованный ход Президента», оправдало себя. Силовики решительно и жёстко вычистили Ухту и окрестности «Ареала» от криминалитета, и масштабные утечки ресурсов прекратились. С тех пор основной задачей Службы Безопасности РАО, комплектование которой производилось только сотрудниками ФСБ, стала борьба и противодействие

заграничным резидентурам, не оставляющим попыток проникновения внутрь «Ареала».

МЧС в кратчайшие сроки полностью оградил опасные территории, проложив между границей запретных земель и пригодными к жизни районами Пояса Отчуждения шириной в десять километров. Внешний периметр «Ареала» был обнесен сплошной стеной с системами охраны, наблюдения и контрольно-следовой полосой. Внутренний радиус Пояса составляла железная дорога, полностью охватывающая весь периметр «Ареала». По железной дороге непрерывно крейсировали два состава МЧС, оборудованные средствами спасения на случай внезапного Выброса, так как предсказать его было невозможно. Впрочем, границы сдвигались уже трижды, ведь в результате Выбросов размеры «Ареала» скачкообразно вырастали, плюс, ко всему хорошему, на второй год существования РАО выяснилось, что опасная территория непрерывно увеличивается с постоянной скоростью один метр в сутки. На сегодняшний день «Ареал» представляет собой идеально ровную окружность диаметром 80 километров и общей площадью более 20 000 квадратных километров, причем периметр Пояса Отчуждения длиной 502,4 километра на юго-востоке фактически проходит у пригородов Ухты. Все научные исследовательские станции и базы РАН и Минсоцздрава расположены внутри «Ареала», за его пределами находится лишь Главный Научно-исследовательский Центр имени академика Лаврентьева, находящийся в Ухте. Газпромовцы и вовсе сидят на своих нефтепромыслах, не вошедших в район «Ареала» и потому превращённых в укрепрайоны. Однако то ли один, то ли несколько их нефтепроводов проходит по краю запретной зоны...

Иван ещё час копался в источниках, после чего почувствовал, что перебирать интернет-страницы ему попросту надоело. Официальная информация так и не дала ответа на главный вопрос: почему ему предложили службу в СБ «Ареала» и что же там у них за проблемы такие, что опытному бойцу группы «А» требуется доподготовка? Почти всё то, что удалось отыскать, было известно каждому. Ну, может, он узнал несколько новых подробностей, но не более того.

Неофициальные источники и вовсе не давали никакой дельной информации. Там собрались всевозможные любители мистики, уфологии, судных дней и прочих апокалипсисов, и эта весёлая компания несла такой бред, что позавидуют сценаристы фильмов ужасов. «Ареалу» чего только не приписывали. И будто там, внутри, бродят жуткие мутанты, разрывающие людей на куски. И попадающие туда люди становятся зомби и начинают охотиться на сталкеров и учёных. И привычные законы физики там не действуют то ли вообще, то ли кое-где. И много чего ещё и вовсе несерьёзного, вроде летающих по воздуху

аномалий, за пару секунд перемалывающих любого, в них попавшего, до состояния фарша, и ходячих хищных деревьев с зубами. Ну и, естественно, не были забыты ходячие мертвецы. В момент Выброса они, как положено, вылезали из могил и бродили по округе...

Берёзов закрыл браузер и вышел из интернет-кафе. В общем, понятно, что ничего не понятно. То ли режим секретности сделал своё дело, то ли кадровик попросту пожалел Ивана и решил преподнести ему весть о назначении на тыловую работу в более щадящей форме. Чего гадать, во вторник всё станет ясно. Мокрый снег закончился, и очищенный осадками от запахов городского смога воздух приятно бодрит. Дышалось легко, и Берёзов решил дойти до общежития пешком. Надо просто развеяться, думать о том, что будет дальше, будем позже.

3

Спецрейс ФСБ зашёл на посадку в аэропорту Ухты точно в полдень. Помимо Берёзова в «Ареал» направлялось ещё почти полтора десятка пассажиров, и капитан с удовлетворением отметил, что можно не озадачиваться поисками дороги в неизвестном городе. Но всё оказалось ещё проще. К трапу самолёта одновременно подали два автобуса. Один обычный, стёкла другого были затемнены до совершенно непроглядной черноты, на борту тускло-зелёным цветом виднелась небольшого размера надпись: РАО «Ареал». В дверях автобуса стоял охранник со списками в руке, которому пришлось показать удостоверение личности.

– Проходите. – Охранник коротким движением поставил галочку в списках напротив его фамилии и тут же потерял к капитану интерес.

Прибывшие заняли места, и автобус тронулся. Оказалось, что выход в здание аэровокзала у «Ареала» тоже отдельный, как и зал ожидания, и помещение с транспортёрами для выдачи багажа. Вопреки ожиданиям, режим секретности чувствовался везде и сразу, даже прибывшие с ним одним самолётом люди оказались неразговорчивы и старались держаться особняком. Хотя по коротким приветствиям и отрывистым общим фразам было ясно, что почти все они либо знакомы, либо как минимум видят друг друга не впервые.

«Да, серьёзная контора, – отметил про себя Иван, – признаться, не ожидал. С другой стороны, уникальные научные разработки – кость в горле западных „друзей“ России, стратегическое сырьё, которому оказалось плевать даже на мировой кризис, да и опасная для жизни среда, которую приходится изучать, – ничего удивительного, что люди, постоянно работающие в таких напряжённых условиях, становятся немногословны...» Капитан мысленно покачал головой, соглашаясь сам с собой. Взять, к примеру, одну из военных разработок «Ареала», изделие «Филин». Портативный индивидуальный тепловизор для поиска противника по тепловой сигнатуре его тела. Небольшая коробочка величиной с пачку сигарет. Крепится на голову с задней стороны, под шлем, сферу или косынку. Выключателя нет, батарейки тоже не нужны. Всё, что необходимо, – участок гладко выбритой кожи под затылком, для наилучшего восприятия. Едва «Филин» вошёл в контакт с кожей бойца, тот начинает видеть в инфракрасном диапазоне. Прямо так, собственными глазами, словно к обычному миру тебе добавили светящиеся тускло-красным пятна. Безотказная вещь, ночью незаменима. Жаль только, очень редкая и работает лишь на открытой местности на дистанциях до ста метров. Через толстую стену уже не берёт, хотя пару раз Берёзову удавалось засекал цели, укрывавшиеся за тонкими квартирными перегородками из ГВЛ. А ведь устройство «Филина» примитивно до безобразия. Внутри титановой коробочки укреплен какой-то странный камушек. И всё.

Можно представить, как всевозможные шпионы рвут землю когтями, чтобы добыть хоть крупицу информации из «Ареала». И это значит, что контрразведка и служба безопасности тут в почёте. Ну а когда в каждом встречном-поперечном подозревают шпиона или завербованного иностранной разведкой предателя, тем более что прецеденты имеются, не стоит ожидать от сотрудников «Ареала» кипучего дружелюбия и распростёртых объятий...

По ленте транспортёра пополз багаж, и Иван подошёл ближе, высматривая свои вещи. В лучших традициях авиаперелётов, его пожитки появились самыми крайними. Две брезентовые парашютные сумки своим цветом и размерами резко контрастировали с гражданскими чемоданами остальных. Берёзов повесил на плечо ту, что потяжелее, взял в руку вторую и направился к выходу догонять ушедших пассажиров. Увидев со всех сторон закрытую остановку с поданным к самым дверям наглухо тонированным автобусом «мерседес» уже без всяких надписей, Иван не удивился. Было ясно, что к понятию «режим секретности» в «Ареале» относились предельно серьёзно.

– Капитан Берёзов, – стоящий возле автобуса человек в штатском даже не спросил, а, скорее, констатировал, – вы можете поставить сумки сюда. – Он указал на открытое багажное отделение под пассажирским салоном и добавил: – Внушительный багаж.

– Всё своё ношу с собой, – философски изрёк Иван.

– Понимаю, – лаконично кивнул встречающий, – Отдел Физической Защиты! – Он дождался, пока Иван поставит сумки в багажник, закрыл створки и вслед за ним заскочил в автобус.

Внутри автобуса после раздолбанного транспорта горячих точек, кунгов и кузовов военных грузовиков, утлых десантных отделений и пыльной брони боевых машин казалось просто фантастически комфортно. Это тебе не городской автобус, подумал Берёзов. Кондиционеры, телевизоры, глубокие кожаные сиденья с мягкими подлокотниками, выдвижные подножки, затемняющие шторы на окнах... Наверное, такие условия больше подходят ВИП-туристам, но не обычным работникам, однако ехать было, что ни говори, приятно. РАО является далеко не бедной структурой, и тот факт, что «Ареал» заботится о своих сотрудниках столь тщательно, делало честь его руководству. Недаром же РАО «Ареал» считался единственной государственной структурой, не подверженной коррупции. Впрочем, не удивительно, не каждую госструктуру непосредственно бережёт ФСБ и возглавляет лично вице-премьер.

Автобус, сопровождаемый двумя экипажами ГИБДД, катился через город, и Иван коротал время, глядя в окно. В Ухте стоял полный штиль, и потихоньку начинался снегопад. Большие мохнатые хлопья лениво опускались на землю, словно сонные, и медленно застилали собой дорогу. Между проплывающих мимо домов можно было различить дворы, в которых возилась детвора, радуясь оттепели и свежему снегу. Иван бросил взгляд на одну из установленных в автобусе плазменных панелей. Электронный термометр показывал внешнюю температуру в минус девять градусов. Совсем не холодно для десятого февраля. Берёзов вдруг подумал, как было бы здорово укрыться сейчас за ледяной крепостью, слепить добротный снежок и залепить им в кого-нибудь из дворовых приятелей, немедленно спровоцировав настоящую снежную баталию... К сожалению, те времена давно прошли. Он вновь поглядел в окно.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/sergey-tarmashev/zarazhenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)